

АМАНДА КВИК

Волшебный дар

ШАРМ

Аманда Квик
Волшебный дар
Серия «Лавиния Лейк и
Тобиас Марч», книга 2
Серия «Шарм (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51593706
Волшебный дар : [роман] / Аманда Квик: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-120334-4

Аннотация

Красавица с острым умом – и истинный джентльмен, от скуки ставший сыщиком-любителем, что могло связать столь разных людей – Лавинию Лейк и Тобиаса Марча? Опасное расследование таинственного преступления? Поначалу – да. Но именно в час опасности Лавиния и Тобиас неожиданно понимают, что созданы друг для друга, созданы для радости истинного взаимопонимания, блаженства пламенной страсти и счастья подлинной любви!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	30
Глава 3	39
Глава 4	55
Глава 5	74
Глава 6	89
Глава 7	101
Глава 8	105
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Аманда Квик

Волшебный дар

*Посвящается Кэтрин Джонс.
Какая это радость – дружба!*

А также Райли и Ферд – оба ушли навеки, но не забыты, как и все другие существа, малые и большие, которые добавляют новые грани нашей жизни, пока они с нами.

Пролог

Хранитель отставил подсвечник, открыл старый, переплетенный в кожу том и стал осторожно переворачивать страницы, пока не нашел искомую.

«...Говорят, они встречаются тайно, во мраке ночи, чтобы совершать свои странные обряды. Ходят слухи, что посвященные поклоняются змееволосой горгоне¹. Иные утверждают, будто они собираются, чтобы исполнять повеления своего магистра, обладающего силой Медузы превращать человека в камень.

Сам же магистр, по словам немногих очевидцев, наделен странным и ужасным даром волшебства. Погрузив свои жертвы в состояние транса, он отдает им приказы. Когда же выводит их из этого состояния, они беспрекословно повинуются каждому его слову.

Тайна великая состоит в том, что те, на которых он испытывает свое искусство, не помнят, какие команды им велено было исполнить. Их память не хранит ничего из случившегося с ними.

Считается также, что могущество магистра многократно увеличивается силой непонятого камня, который он носит.

¹ Горгоны – мифические крылатые существа, три сестры, со змеями вместо волос. Одну из них звали Медузой. Все они обладали способностью взглядом обращать человека в камень. – *Здесь и далее примеч. пер.*

На камне вырезан устрашающий лик Медузы. Чуть ниже отрезанной шеи гнусного создания в камень вставлена палочка. Все это устройство якобы считается прообразом магического жезла и используется магистром культа для того, чтобы вводить людей в транс.

Резной камень подобен ониксу, если не считать того, что переливающиеся полосы имеют редкие и чрезвычайно странные оттенки голубого, а не, как обычно, белого и черного. Темный внешний слой имеет настолько глубокую окраску, что кажется почти черным. Он служит рамкой для изображения Медузы, вырезанного в более светлом слое камня, похожем цветом на дорогие, светлые сапфиры.

Золотой браслет, в который вправлен камень, украшен множеством мельчайших дырочек, образующих рисунок в виде сплетающихся змей.

Страх перед магистром чрезвычайно велик в этих местах. Во время таинственных церемоний, принятых у последователей культа, его фигура и лицо неизменно скрыты длинным плащом с капюшоном. Никто не знает его имени, но камень с головой горгоны и палочкой – его эмблема и печать, впрочем, как и источник его мощи.

Мне передали, что камень известен под именем Голубой Медузы».

Глава 1

Увидев Лавинию, поднимавшуюся на крыльцо дома семь по Клермонт-лейн, Тобиас сразу понял, что дело неладно. Широкие поля модной шляпки отбрасывали тень на лицо, исполненное чистейшей прелести и глубокого внутреннего обаяния, лицо, на которое он не мог наглядеться. Лицо, сейчас омраченное непонятым внутренним напряжением.

Судя по тому немногому, что он знал о ней, Лавиния редко грустила над сложной проблемой или неудачей: скорее стремилась безоглядно броситься в бой. Вернее, рвалась. По его мнению, даже слишком. Бесшабашная и опрометчивая – именно эти слова приходили на ум при воспоминании о Лавинии.

Он наблюдал за ней из окна своей маленькой уютной гостиной. Каждая клеточка его тела напряглась в предвкушении неминуемого поединка. Он терпеть не мог предчувствий, предзнаменований и всякой метафизической чепухи, но верил собственным инстинктам, особенно если речь шла о делах, касавшихся его нового партнера... и любовницы. Потрясенной Лавиния не выглядела. Уж кому-кому, а ему было известно, сколько всего требуется, чтобы поколебать ее неизменную сдержанность и вывести из себя.

– Миссис Лейк дома, – заметил он, оглядываясь на экономку.

– Давно пора!

Миссис Чилтон со вздохом глубочайшего облегчения отставила поднос и поспешила к двери.

– Думала уже, она никогда не доберется! Пойду возьму у нее пальто и перчатки. Она наверняка захочет разливать чай своим гостям. Да и ей самой чашечка не помешает.

Судя по выражению лица, Лавинии не помешало бы что-то покрепче, вроде хереса, хранившегося у нее в кабинете. По крайней мере так считал Тобиас. Но как ни жаль, с подкрепляющей дозой спиртного придется обождать.

Сначала необходимо потолковать с гостями, уже сидевшими в гостиной.

Остановившись у входной двери, Лавиния принялась рыться в большом ридикюле в поисках ключа. Теперь Тобиасу еще отчетливее были видны синие круги под прекрасными глазами и напряженно опущенные уголки губ.

Да что стряслось, черт возьми?!

За время расследования убийств в музее восковых фигур, закончившегося несколько недель назад, Тобиас привык считать, что достаточно хорошо знал Лавинию. Ее не так-то легко расстроить, смутить или напугать. Говоря по чести, за всю свою, временами весьма опасную, карьеру частного сыщика он встречал крайне мало людей обоего пола, сохранявших, подобно Лавинии Лейк, полное хладнокровие перед лицом угрозы.

Должно быть, случилось поистине нечто из ряда вон вы-

ходящее, чтобы довести ее до такого состояния.

Тревожный звоночек, прозвучавший в глубине души, возымел весьма неприятное действие на Тобиаса, который, нужно признаться, и без того был на грани взрыва. Ничего, он непременно узнает все и постарается осмыслить новую ситуацию, как только застанет Лавинию одну.

К сожалению, это произойдет не так скоро. Похоже, что разговор с гостями будет долгий. Тобиасу они не слишком нравились, хотя высокий, изящно-гибкий и модно одетый джентльмен, доктор Говард Хадсон, представился старым другом семьи.

Его жена Селеста была одной из тех необыкновенно привлекательных женщин, которые прекрасно сознают силу своего очарования и воздействия на мужской пол и ни в малейшей степени не задумываются использовать этот дар, чтобы беззастенчиво манипулировать мужчинами. Блестящие белокурые волосы были затейливо причесаны, глаза цвета летнего неба казались бездонными озерами.

Даме очень шло почти прозрачное муслиновое платье с узором из крошечных роз, отделанное розовыми и зелеными лентами. К ридикюлю был прикреплен маленький веер. Правда, Тобиас посчитал, что вырез платья чересчур низок для столь прохладного дня, ибо мартовская погода переменчива. Но он был почти уверен, что Селеста тщательно обдумала свой наряд, прежде чем ехать сюда.

За двадцать минут, проведенных в обществе супружеской

пары, он пришел к двум непоколебимым заключениям. Первое: доктор Хадсон – шарлатан. Второе: Селеста – прожженная авантюристка.

Но он счел нужным держать свое мнение при себе. Вряд ли Лавинии оно понравится.

– Мне не терпится снова увидеть Лавинию, – сообщил Хадсон, вольготно развалившийся в кресле. – С нашей последней встречи прошло несколько лет. Буду счастлив представить ее моей дорогой Селесте.

Природа наградила Хадсона звучным, бархатным голосом опытного актера, пронизанным густыми, вибрирующими нотками, напоминавшими хорошо настроенный инструмент. И хотя каждый звук невыносимо действовал Тобиасу на нервы, приходилось признать, что он почти сверхъестественным образом притягивал самого придиричивого собеседника.

В своем темно-синем сюртуке безупречного покроя, полосатом жилете и брюках с заложенными по поясу складками он имел вид весьма представительный. А галстук! Завязанный сложным, совершенно необычным узлом, он наверняка послужил бы предметом восхищения шурина Тобиаса – Энтони. Двадцать один год – такой возраст, когда молодые люди еще уделяют пристальное внимание подобным вещам. Энтони, вне всякого сомнения, одобрил бы также оригинальные золотые брелоки, украшавшие часы Хадсона.

По прикидкам Тобиаса, доктору было лет сорок пять. Но

природа наделила его скульптурными чертами человека, который независимо от возраста неизменно будет кружить дамам головы. Чего стоила копна черных волос, прошитая серебром! Кроме того, он умел носить одежду с таким изяществом и апломбом, которые сделали бы честь самому Красавчику Браммелу в расцвете его славы.

– Говард!

Озабоченность в глазах Лавинии мигом растаяла, стоило ей ступить через порог. Она порывисто протянула обе руки в дружеском приветствии.

– Простите за опоздание. Я ходила за покупками на Пэлл-Мэлл и совершенно упустила из виду время и уличную толчею.

Тобиаса потрясла столь молниеносная смена выражений ее лица. Не заметь он, что творилось с Лавинией всего несколько минут назад, когда она поднималась по ступенькам, ни за что не догадался бы, как сильно она встревожена.

И до чего же неприятно, что один лишь вид доктора Говарда Хадсона возымел столь разительный эффект! Очевидно, настроение ее сразу улучшилось.

– Лавиния, дорогая! – Говард поднялся и осторожно сжал ее ладони длинными, ухоженными пальцами. – Невозможно выразить словами, как я счастлив снова видеть тебя после стольких лет!

Очередная волна почти неопишуемой, будоражащей тревоги захлестнула Тобиаса. Самой притягательной чертой

доктора, если не считать голоса, были глаза, необычные, золотисто-карие, производящие совершенно неотразимое впечатление на женщин.

Должно быть, и голос, и глаза жизненно важны в его профессии.

Доктор Говард Хадсон подвизался в так называемой новой науке, называемой месмеризмом².

– Я так обрадовалась, получив вчера вашу записку, – заметила Лавиния. – И не подозревала, что вы в Лондоне!

Хадсон улыбнулся.

– Это я пришел в восторг, обнаружив, что вы тоже в городе. Вообразите мое удивление, дорогая! Судя по слухам, вы и ваша племянница отправились в Италию в качестве компаньенок дамы по имени миссис Андервуд. По крайней мере, таковы были последние новости.

– Наши планы совершенно неожиданно изменились, – приветливо объяснила Лавиния. – Обстоятельства вынудили нас с Эмелин вернуться раньше, чем предполагалось.

Тобиас едва заметно приподнял брови, услышав столь невразумительное объяснение, но мудро промолчал.

– Что же, насколько я полагаю, весьма кстати.

Говард еще раз, по мнению Тобиаса, весьма фамильярно пожал руки Лавинии и с поклоном отступил:

² Лженаука, в основе которой лежит учение о «животном магнетизме», проповедуемое доктором Месмером в середине XVIII в. Месмер утверждал, что посредством этого магнетизма и гипноза можно излечивать все болезни.

– Позвольте представить мою жену Селесту.

– Как поживаете, миссис Лейк? – сладеньким голосочком пробормотала Селеста. – Говард так много рассказывал мне о вас.

Тобиас едва не рассмеялся вслух. Ничего не скажешь, до чего же забавно!

Хорошо отрепетированный, театрально-элегантный наклон головы не скрыл холодной расчетливости в ее хорошеньких глазках. Он так и видел, как она оценивает, взвешивает и выносит приговор. Ясно также, что Лавиния для нее – не представляющее ни малейшей угрозы ничтожество, с которым можно не считаться.

В первый раз за весь день ему стало весело. Очевидно, дама явно недооценивала Лавинию. Что же, тем хуже для нее.

– Ваш приезд – большая радость для меня!

Лавиния села на диван, расправила юбки своего платья цвета сливы и взяла чайник.

– Не знала, что Говард женат, но счастлива это слышать. Он слишком долго жил один.

– Но что я мог поделать! – воскликнул Говард. – Это случилось год назад. Один взгляд на красавицу Селесту – и моя судьба была решена. Боги были милостивы ко мне. Я обрел не только прелестную жену и верную спутницу. Селеста также с безупречной аккуратностью ведет мои счета и книгу посещений. Представить не могу, как обходился до сих пор без нее!

– Вы льстите мне, сэр! – Селеста опустила ресницы и улыбнулась Лавинии. – Говард пытался обучить меня искусству гипноза, но, боюсь, у меня нет призвания к науке.

Она приняла от хозяйки чашку.

– Насколько я поняла, мой муж был добрым другом ваших родителей?

– Совершенно верно. – Тень грусти легла на лицо Лавинии. – В прежние времена он был частым гостем в нашем доме. Мои родители не только питали к нему исключительную симпатию, но и называли себя его величайшими почитателями. Отец не раз говаривал, что Говард – самый талантливый гипнотизер, которого он когда-либо видел.

– О, я считаю это незаслуженным комплиментом, – скромно ответил Говард. – Ваши родители тоже были весьма опытными в этом искусстве. Я часто и с восхищением наблюдал за их работой. Стиль каждого был уникален, но оба достигали поразительных результатов.

– Мой муж сказал, что ваши родители погибли при кораблекрушении десять лет назад, – промурлыкала Селеста. – И что в том же году вы потеряли своего супруга. Должно быть, это время было чрезвычайно трудным для вас.

– Да, – кивнула Лавиния, наливая еще две чашки. – Но шесть лет назад ко мне переехала моя племянница Эмелин, и мы прекрасно поладили. Жаль, что вы ее не застали. Она с друзьями поехала на лекцию о римских памятниках и фонтанах.

Селеста мгновенно изобразила на лице вежливое участие.

– Вы и ваша племянница одни во всем мире?

– Я не считаю себя одинокой, – сухо ответила Лавиния. –

Мы есть друг у друга, и этого достаточно.

– Тем не менее вас только двое. Две женщины без родных и родственников. – Селеста украдкой метнула взгляд на Тобиаса. – По моему опыту, остаться без поддержки и совета мужчины, на которые всегда можно положиться, – огромное несчастье для женщины. Ей самой приходится нести груз житейских забот.

Тобиас едва не выронил чашку с блюдцем, которые сунула ему Лавиния. И дело было не в совершенно неверных оценках личных качеств и способностей Лавинии и Эмелин. Его поразило совершенно другое: он мог бы поклясться, что эта женщина намеренно с ним флиртует.

– Мы с Эмелин прекрасно справляемся, благодарю вас, – чуть резче, чем необходимо, заверила Лавиния. – Осторожнее, Тобиас, вы разольете чай.

Поймав ее взгляд, Тобиас неожиданно сообразил, что под внешне гостеприимными манерами кроется обычное раздражение. Интересно, что он умудрился натворить на этот раз? Их отношения из неприязненных поначалу с неодолимой силой и почти без перехода переросли в такую пылкую страсть, что обоим было немного не по себе. Безумный роман находился в самом расцвете, и пока что Тобиас мог с уверенностью сказать лишь одно: им никогда не бывало

скучно вместе. И новизна далеко еще не выветрилась.

Но сам он считал это несчастьем. Временами он многое отдал бы за несколько скучных минут с Лавинией. Тогда у него хотя бы было время отдышаться.

– Простите, Лавиния, – начал Говард с видом человека, решившегося затронуть деликатную тему. – Не могу не заметить, что вы забросили свою профессию. Скажите, вы не практикуете месмеризм, потому что в Лондоне на него нет спроса? Понимаю, насколько сложно привлечь выгодных клиентов без соответствующих связей в обществе.

К удивлению Тобиаса, вопрос, казалось, застиг Лавинию врасплох. Чашка в ее руке чуть дрогнула. Но Лавиния сумела быстро овладеть собой.

– Видите ли, я по ряду причин предпочла иную карьеру, – спокойно объяснила она. – И хотя неизведанные области гипноза манят меня так же сильно, как прежде, конкуренция последнее время стала поистине жестокой, и, как вы заметили, не так легко привлечь достойную клиентуру без связей и добрых знакомых в свете.

– Верно, – кивнул Говард. – Нам с Селестой придется немало потрудиться. Мне будет не так просто основать здесь свое дело.

– А где вы практиковали до сих пор? – осведомился Тобиас.

– Я провел несколько лет в Америке, путешествуя и читая лекции о месмеризме. Однако около года назад я почувство-

вал тоску по родине и вернулся в Англию.

Селеста ослепительно улыбнулась мужу:

– Я встретила Говарда в прошлом году в Бате. Там у него была процветающая практика, но он посчитал, что пора завоевать Лондон.

– И надеюсь обнаружить здесь множество интересных и необычных случаев, – серьезно добавил Говард. – Основная масса моих пациентов, как в Бате, так и в Америке, искали излечения от самых обычных болезней: ревматизм, женская истерия, бессонница – все в таком роде. Разумеется, все это вещи достаточно неприятные для больных, для меня же просто скучные.

– Говард намеревается проводить исследования и эксперименты в области месмеризма, – вмешалась Селеста, с обожанием глядя на мужа. – Он преданный последователь науки и надеется написать книгу на эту тему.

– А для того чтобы книга имела успех, я должен пользоваться пациентами с более сложными нервными расстройствами, чем те, которые обычно встречаются в Британии, – заключил Говард.

Глаза Лавинии зажглись энтузиазмом.

– Поразительная и достойная всяческого уважения цель! Давно пора воздать должное месмеризму! – Она метнула красноречивый взгляд в сторону Тобиаса. – Могу точно сказать, что множество плохо информированных людей все еще упорствуют в своем заблуждении, считая гипнотизеров неве-

жественными знахарями и шарлатанами худшего разбора.

Тобиас проигнорировал укол и отпил немного чая. Хадсон тяжело вздохнул и скорбно покачал головой.

– К сожалению, должен признать, что в нашей профессии развелось чересчур много мошенников.

– Только прогресс и новые достижения в науке способны отбить у этих негодяев охоту дурачить народ! – объявила Лавиния. – Исследования и эксперименты – именно то, что нам нужно.

Селеста вопросительно вскинула брови:

– Мне не терпится узнать природу вашей новой карьеры, миссис Лейк. У нас так мало профессий, доступных дамам!

– Я принимаю поручения от персон, которые желают нанять меня для проведения частного расследования. – Лавиния поставила чашку на блюдце. – По-моему, где-то у меня еще остались карточки. Ах да! – Она перегнулась через подлокотник дивана и открыла ящик столика: – Вот они.

Она вынула из ящика две маленькие белые карточки и вручила Говарду и Селесте.

Тобиас прекрасно знал, что именно выгравировано на блестящем прямоугольнике:

**ЧАСТНЫЕ РАССЛЕДОВАНИЯ
ТАЙНА ГАРАНТИРУЕТСЯ**

– Крайне необычно, – промямлила Селеста с озадачен-

НЫМ ВИДОМ.

– Поразительно!

Говард сунул карточку в карман и сочувственно нахмурился.

– Но вынужден сказать, мне очень жаль, что вы оставили свою практику. У вас истинный дар гипнотизера, дорогая. Какая потеря для нашей профессии!

– Очевидно, страх перед конкуренцией заставил вас отречься от науки? – спросила Селеста, изучающе поглядывая на Лавинию.

Тобиас подумал, что, не наблюдая он сам за возлюбленной так пристально, наверняка не заметил бы мимолетно мелькнувшей растерянности в глазах, а также подергивавшейся на шейке крохотной жилки. Он мог бы поклясться, что она судорожно сглотнула, прежде чем ответить на вопрос.

– Скорее... неприятный инцидент, случившийся с пациентом, – глухо выговорила она. – И исход оказался таким, на который можно было рассчитывать. Вам, разумеется, известно, как трудно запрашивать большую плату в провинции. А ведь мне приходилось думать еще и о будущем Эмелин! Она как раз окончила школу, и я посчитала, что сейчас ей самое время набраться лоска. Всегда говорила: нет ничего лучше путешествия за границу, чтобы приобрести элегантные манеры и утонченность. Словом, то одно, то другое, и когда миссис Андервуд пригласила нас провести сезон в Риме, я посчитала нужным согласиться.

– Понимаю, – кивнул Говард, не сводя глаз с ее лица. – Должен признать, что до меня дошли слухи о неприятной истории в этой маленькой деревушке на севере. Надеюсь, вы не попали в беду?

– Нет, разумеется, нет, – чересчур поспешно ответила Лавиния. – Просто к тому времени, когда мы с Эмелин вернулись из Италии, мне пришло в голову попробовать себя в новом предприятии, и, к моему удивлению, это занятие пришлось мне по вкусу.

– Какое странное занятие для леди! – Селеста вновь окинула Тобиаса задумчивым взглядом. – Насколько я поняла, вы ничего не имеете против новой профессии миссис Лейк, сэр?

– Заверяю, что пережил немало минут горьких сомнений и глубочайшей неуверенности, мадам, – сухо буркнул Тобиас, – не говоря уже о многих бессонных ночах.

– Мистер Марч шутит, – вмешалась Лавиния, грозным взором пригвоздив к месту Тобиаса. – У него нет прав одобрять или не одобрять. Честно говоря, во многих случаях он выступает в роли моего помощника.

– Вашего помощника? – Селеста потрясенно распахнула глаза. – Хотите сказать, что наняли его?

– Не совсем, – мягко пояснил Тобиас. – Скорее можно сказать, что мы партнеры.

Но ни Селеста, ни Говард, казалось, не слышали этой поправки. Оба потрясенно таращились на нее.

– Помощник, говорите? – переспросил Говард.

– Партнер, – отчетливо повторил Тобиас.

– Время от времени я пользуюсь услугами Тобиаса, – ожи-
вилась Лавиния, – когда чувствую необходимость в его спе-
циальных знаниях. – И с милой улыбкой в сторону Тобиаса
добавила: – Думаю, лишние деньги ему не помешают. Разве
не так, сэр?

Разговор в подобном тоне начинал ему надоедать. Пора
напомнить миссис Лейк, что не у нее одной имеются зубки!

– Видите ли, в нашем партнерстве меня привлекают не
только деньги, – заверил он. – Должен признать, что обнару-
жил некоторые другие, дополнительные и чрезвычайно со-
блазнительные, преимущества.

У Лавинии хватило совести покраснеть, но, как он и ожи-
дал, она не собиралась сдаваться и со снисходительной улыб-
кой обратилась к гостям:

– Наше соглашение дает мистеру Марчу возможность от-
точить свое логическое и дедуктивное мышление. Он нахо-
дит должность моего помощника весьма стимулирующей, не
так ли, сэр?

– Совершенно верно, – согласился Тобиас. – Думаю, впол-
не можно заключить, что наше... сотрудничество дарит мне
такие... волнующие впечатления, каких я не знал много лет.

Лавиния чуть сузила глаза в молчаливом предостереже-
нии. Тобиас удовлетворенно усмехнулся и съел пирожок со
смородиновым джемом, из тех, что миссис Чилтон разложи-

ла на чайном подносе. Ничего не скажешь, миссис Чилтон поистине творит чудеса со смородиновым джемом!

– Как интересно! – протянула Селеста, обозревая Тобиаса поверх края чашки. – И какова же природа ваших специальных знаний, мистер Марч?

– Мистер Марч непревзойденно умеет добывать информацию из определенных источников, которые по многим причинам мне недоступны, – объяснила Лавиния, прежде чем Тобиас успел ответить. – Джентльмену позволено наводить справки в таких местах, где появление леди не приветствуется. Надеюсь, вы меня понимаете?

– Ну да, разумеется, – просиял Говард. – Что за поразительный союз! Значит, ваше новое занятие приносит больший доход, чем старое, верно, Лавиния?

– Оно может быть довольно прибыльным. – Лавиния деликатно помолчала. – Иногда. Но, к сожалению, бывают случаи, когда результат оказывается непредсказуемым.

– Ясно, – участливо кивнул Говард.

– Но довольно о моей новой карьере, – деловито заметила Лавиния. – Лучше скажите, Говард, когда вы собираетесь начать прием пациентов?

– Потребуется месяц или более, чтобы все организовать, снять и обставить помещение, не говоря уже о том, чтобы распространить в самых высоких кругах слухи о прибытии нового специалиста в области месмеризма, интересующегося исключительно самыми редкими случаями нервных рас-

стройств. Нужно быть крайне осторожным, если не хочешь, чтобы тебя вновь одолели особы, страдающие приступами истерии, а как уже упоминалось, я не желаю тратить время на столь обыденные недуги.

– Вполне с вами согласна! – с искренним интересом воскликнула Лавиния. – Собираетесь поместить объявления в газетах? Я и сама подумывала это сделать.

Тобиас едва не подавился и отложил недоеденный пирожок.

– Какого черта? И почему я только сейчас узнаю об этом?

– Не важно, – отмахнулась она. – Объясню детали позже. Меня забавляла эта мысль, но...

– Забавляйтесь чем-нибудь другим, – посоветовал он, доедая пирожок.

Лавиния смерила его презрительным взглядом.

Тобиас сделал вид, что не заметил.

Говард тактично откашлялся:

– Правду сказать, я, возможно, не стану помещать объявлений в газетах, поскольку опасаясь, что это всего лишь привлечет обычную публику с обычными нервными хворями.

– Да, некоторый риск есть, – задумчиво протянула Лавиния. – Тем не менее бизнес есть бизнес.

Разговор отклонился в сторону тайн и высоких аспектов месмеризма. Тобиас уныло побрел к окну, и хотя краем уха прислушивался к оживленной дискуссии, сам в ней участия не принимал.

У него были серьезные сомнения в действенности месмеризма. Мало того, до встречи с Лавинией он был убежден, что выводы французов, касающиеся этой области, были совершенно верными. Исследования проводились такими известными учеными, как доктор Франклин и Лавуазье. Заключение было простым и недвусмысленным. Не существовало такой вещи, как животный магнетизм, и, следовательно, месмеризм не имел под собой научной основы. А все так называемые его последователи – не кто иные, как мошенники.

Он вполне соглашался с предположением, что умение вводить людей в транс – всего-навсего трюк шарлатана, способный увлечь только доверчивых простаков. В лучшем случае он допускал, что талантливый гипнотизер в силах приобрести влияние над некоторыми слабовольными индивидами, но, по его мнению, все это делало месмеризм еще более подозрительным занятием.

Тем не менее нельзя было отрицать, что публичный интерес к месмеризму был достаточно велик и пока что признаков спада не наблюдалось, несмотря на высказывания многих опытных врачей и прославленных ученых. Иногда при мысли о том, что и Лавиния обладает даром гипноза, Тобиасу становилось не по себе.

Через полчаса Хадсоны откланялись. Лавиния решила проводить их до крыльца. Тобиас оставался на своем посту перед окном, наблюдая, как Говард подсаживает жену в наемный экипаж.

Лавиния дождалась, пока лошадь тронется, прежде чем закрыть входную дверь, а когда пришла в гостиную, показала Тобиасу куда более спокойной, чем когда вернулась домой.

– Не хочешь еще чаю, Тобиас? – осведомилась она, вновь сядя на диван и берясь за чайник. – Я бы выпила чашечку.

– Нет, спасибо.

Он сцепил руки за спиной и уставился на Лавинию.

– Что, черт возьми, стряслось, пока ты где-то гуляла утром?

Лавиния съежилась. Чай выплеснулся на столик.

– Господи, посмотри только! И все из-за тебя! – Она бросилась промокать лужицу салфеткой. – И почему тебе вдруг взбрело в голову, будто со мной что-то случилось?

– Ты знала, что у нас будут гости. Сама их пригласила.

Лавиния яростно терла столешницу.

– Я уже сказала, что потеряла счет времени и не приняла в расчет уличную толчею.

– Лавиния, ты прекрасно знаешь, что не такой уж я идиот.

– Довольно, сэр! – Она отшвырнула салфетку и мрачно нахмурилась. – Я не в том настроении, чтобы подвергаться очередному допросу! И если на то пошло, у вас нет прав совать нос в мои личные дела! Клянусь, последнее время ваше поведение все больше смахивает на хозяйские повадки подозрительного мужа!

Последовала многозначительная пауза.

Слово «муж» повисло в воздухе, словно начертанное огненными буквами.

– Когда на самом деле, – выговорил наконец Тобиас, очень тихо и спокойно, – я всего лишь ваш случайный партнер и временный любовник. Вы это хотели сказать, мадам?

Краска бросилась в лицо Лавинии.

– Простите, сэ, не знаю, что на меня нашло. Ничем не оправданная вспышка. Моим единственным оправданием служит то, что сейчас я немного расстроена.

– Вижу. Можно ли вашему обеспокоенному случайному партнеру спросить, в чем дело?

Губы Лавинии сжались в тонкую ниточку.

– Она флиртовала с вами.

– Прошу прощения?

– Селеста. Она флиртовала с вами. И не вздумайте это отрицать. Я все видела. Она даже не давала себе труда быть немного осмотрительнее, не так ли?

Тобиас был так поражен, что не сразу сообразил, о чем она.

– Селеста Хадсон? – пролепетал он. Нападки Лавинии громом отдавались в голове. – Ну... я действительно заметил, что какие-то смутные попытки в этом направлении вроде бы делались, но...

Лавиния резко выпрямилась. Судя по закаменелой неподвижности фигуры, дело плохо.

– Это было омерзительно!

Неужели она ревнует?

Мысль показалась настолько заманчивой, что Тобиас незамедлительно погрузился в состояние восторженной эйфории. И даже рискнул слегка улыбнуться.

– Мне ее кокетство показалось довольно заученным и, следовательно, не особенно польстило, но омерзительным я бы его не назвал.

– В отличие от меня. Она замужняя женщина. Замужние женщины так себя не ведут. Во всяком случае, не столь откровенно строят глазки посторонним мужчинам!

– Видите ли, по моему мнению, женщина, склонная кокетничать, делает это независимо от наличия или отсутствия мужа. Нечто вроде врожденного порока.

– Ах, бедный милый Говард! Если она вешается на шею любому встречному, как, должно быть, это унижительно для него! Какое несчастье сознавать, что твоя жена – распущенная особа!

– Сомневаюсь!

– То есть?

– У меня такое предчувствие, что бедный милый Говард находит этот дар своей жены чрезвычайно полезным. – Тобиас подошел к столу и взял с подноса еще один пирожок. – Говоря по правде, я ничуть не удивился бы, узнай, что он и женился на ней именно из-за таланта по этой части.

– О, Тобиас, как ты можешь!

– Я серьезно. Поверьте, немало джентльменов в Бате ста-

новились пациентами Хадсона именно благодаря ее чарам.

Лавиния от удивления даже рот приоткрыла.

– Д-да? – ахнула она. – Я и не подумала о такой возможности! Думаешь, она просто пыталась и тебя завербовать в клиенты Говарда?

– Скорее ее манеры не более чем род рекламы. Она настолько привыкла прославлять мужа, что просто не в силах остановиться.

– Хм-м...

– Ну а теперь, когда мы все уладили, – продолжал он, – вернемся к моему допросу. Что произошло, когда ты отправилась за покупками?

Лавиния замялась и виновато вздохнула.

– Ничего особенного. Просто показалось, что увидела на улице кое-кого знакомого... – И, отпив глоток чая, добавила: – Кого не ожидала увидеть в Лондоне.

– Кого именно?

Лавиния шутливо сморщила носик.

– Клянусь, никогда не встречала другого такого человека, который бы с такой настойчивостью возвращался к неприятной мне теме. Разве я не достаточно ясно дала понять, что не желаю это обсуждать?

– Что же, еще один из моих талантов. И несомненно, одна из причин, по которой ты время от времени продолжаешь использовать меня в качестве своего помощника.

Лавиния ничего не ответила. Странно. Не упрямится, не

фыркает, не язвит. Она чем-то глубоко озабочена. Возможно, никак не решится сказать правду. Или просто не знает, с чего начать.

Тобиас решительно встал.

– Пойдем, сердце мое. Оденемся и немного погуляем в парке.

Глава 2

– Итак, Говард? – улыбнулась Селеста, глядя на мужа из-под полей шляпки. – Ты сказал, что сгораешь от любопытства узнать, как поживает твоя старая приятельница. Теперь удовлетворен?

Говард, рассматривавший в окно кареты мелькавшие мимо дома, не обернулся. Красивый профиль в полутьме казался камеей на ониксе.

– Полагаю, да. Но нахожу чрезвычайно странным, что Лавиния отказалась от своего призвания ради совершенно непонятого занятия.

– Возможно, мистер Марч и есть та приманка, которая заставила ее забыть о гипнозе. Для меня очевидно, что они любовники.

– Вероятно, ты права. – Говард немного помолчал. – Тем не менее трудно поверить, что она могла бросить свою практику по какой бы то ни было причине, включая и любовника. У нее истинный талант. Мне всегда казалось, что она способна превзойти своих родителей, а они оба были весьма опытными гипнотизерами.

– Страсть – великая сила, – понимающе усмехнулась Селеста. – Она может заставить женщину изменить всю свою жизнь. Вспомни нашу связь и перемены, случившиеся из-за этого в моей судьбе.

Лицо Говарда мгновенно смягчилось. Длинные изящные пальцы легли на затянутую в перчатку ручку жены. Его сверкающие глаза потемнели.

– Это ты изменила мою жизнь, дорогая, – вымолвил он своим сочным баритоном. – Я всегда буду благодарить небо за то, что ты решила стать моей.

Селеста подумала, что, хотя оба они бесстыдно лгут, все же наловчились делать это довольно убедительно.

Говард вновь принялся изучать оживленную улицу.

– Что ты думаешь о компаньоне Лавинии, мистере Марче?

Селеста не сразу ответила. Лицо на миг стало сурово-сосредоточенным. Она считала себя экспертом по части мужского пола, ибо довольно часто ее существование, вместе с удачей, зависели от точности оценки и искусства, с которым она манипулировала очередным доверчивым дурачком.

Она всегда была женщиной умной и сообразительной, имевшей немалые способности к делам, но считала, что самым серьезным испытанием была смерть первого мужа. В шестнадцать лет она вышла за престарелого вдовца, владельца магазина. Муж, которому было уже под восемьдесят, весьма к месту испустил дух в брачную ночь, пытаясь исполнить супружеские обязанности. Селеста унаследовала магазин, но, не собираясь провести жизнь за прилавком, продала его за весьма солидную сумму.

Деньги от продажи небольшого заведения были потрачены на туалеты и другие безделушки, необходимые, чтобы

подняться вверх на очередную ступеньку в обществе. Ее следующим завоеванием был туповатый сынок местного мелкого дворянчика, который четыре месяца содержал даму, прежде чем семья узнала об их связи и перестала выплачивать кавалеру карманные деньги. После него были и другие, включая служителя Божьего, обладавшего некоторыми, весьма изощренными пристрастиями. В их число входила и милая привычка носить церковное облачение во время незаконных занятий любовью на алтаре.

Роман оборвался, когда престарелая прихожанка застала парочку на месте преступления. При виде такого разврата бедняжка немедленно забилась в истерику. Поэтому для Селесты еще не все было потеряно. Пока растерявшийся любовник махал пузырьком с нюхательными солями под носом потрясенной старушки, Селеста улизнула через боковую дверь, прихватив с собой пару дорогих подсвечников, которых, как она рассчитала, вряд ли кто-то хватится: в церкви и без того было немало серебра.

На деньги от продажи добычи она и жила, пока не встретила Говарда. Пока что он был самой крупной ее добычей. С самого первого взгляда она поняла, что он обладает необыкновенными возможностями. Тот факт, что он не только влюбился в нее, но и по достоинству оценил ее ум и способности, только упростил дело. Она считала себя у него в долгу: слишком многому он ее научил.

И теперь Селеста старалась как можно яснее выразить

свою мысль. Что она думает о Тобиасе Марче?!

Ее первым впечатлением о нем было, что, несмотря на широкие плечи и идеальную фигуру, он весьма мало интересуется модой. Покрой сюртука и брюк не столько отличался элегантностью и высоким стилем, сколько был удобным и обеспечивал свободу движений. Да и галстучный узел выглядел простым и незамысловатым, вопреки нынешней моде. Но Селеста недаром считала себя женщиной проницательной и знатоком мужчин и поэтому привыкла не обращать внимания на внешние подробности. Она сразу поняла, что Тобиас Марч разительно отличается от джентльменов, которых она встречала до сих пор. Очевидно, что тот стальной стержень, кроющийся в самых недрах ее существа, не имеет ничего общего с физической силой или внешностью. Она видела это в туманных глубинах его холодного, загадочного взгляда.

– Несмотря на уверения миссис Лейк, не думаю, что он всего лишь ее помощник, – выговорила она наконец. – Очень сомневаюсь, что мистер Марч будет повиноваться чьим-то приказам, все равно – мужчины или женщины, без определенной для себя выгоды, разумеется.

– Тут я склонен с тобой согласиться, – кивнул Говард. – Он утверждал, что всего лишь случайный партнер Лавинии, с уверенным видом человека, который просто пикируется с оппонентом ради собственного развлечения.

– Да. Он не разгневался, не почувствовал себя унижен-

ным, когда миссис Лейк заявила, что всего лишь нанимает его время от времени и в самых сложных случаях. У меня сложилось определенное впечатление, что вопрос о том, кто из них главный, – всего лишь их, если так можно выразиться, «семейная» шутка.

Что, в свою очередь, предполагает интимную связь между Лавинией и Тобиасом, подумала Селеста. Вот только насколько такая связь крепка?

Именно это она и попыталась выяснить, флиртуя с Тобиасом, но результаты мало обнадеживали. Марч лишь отвечал ей равнодушным, непроницаемым, ничего не выдающим взглядом.

Но так или иначе, Тобиас Марч показался ей интересным и к тому же довольно опасным джентльменом. Возможно, он и пригодится Селесте в том новом будущем, которое она для себя задумала. Разумеется, сначала придется отбить его у Лавинии Лейк, но при ее уникальном даре это трудностей не представит. С одного взгляда ясно, что эта простушка миссис Лейк никакая ей не соперница.

Селеста принялась играть маленьким веером, свисавшим с ее ридикюля. На ее губах играла легкая улыбка. Пока еще она не встречала мужчину, способного перед ней устоять!

– Говард, что тебя так интригует в миссис Лейк? – поинтересовалась она. – Клянусь, если ты и дальше будешь продолжать вести себя подобным образом, я начну ревновать!

– О, дорогая, ни за что! – Он повернул голову и посмотрел

на нее своими неотразимыми золотисто-карими глазами. – Даю слово, мое сердце и душа принадлежат тебе, вместе со всей силой страсти.

У Селесты вдруг перехватило дыхание. В глубине души она понимала, что причиной тому не желание. Не возбуждение. Страх. Именно страх на миг лишил ее способности соображать.

Но она ухитрилась скрыть свои чувства очередной улыбкой и скромно опустила ресницы.

– Счастлива это слышать.

Селеста была уверена, что голос звучит, как всегда, весело и беспечно, но сердце по-прежнему билось чересчур сильно. Огромным усилием воли она заставила себя не стиснуть кулаки.

Говард присмотрелся к жене чуть внимательнее, улыбнулся и отвел взгляд.

– Довольно о Лавинии и мистере Марче. Они и в самом деле необычная пара, но их странный бизнес нас не касается.

Когда он снова отвернулся к окну, Селеста облегченно перевела дыхание, словно выпутавшись из невидимого капкана. Нет, нужно успокоиться и взять себя в руки!

Несмотря на внешне небрежное объяснение Говарда, она отчего-то не верила, что одно лишь простое любопытство заставило его известить Лавинию о своем прибытии в столицу. Его наверняка интересуется миссис Лейк, и очень. Что же, это к лучшему, по крайней мере ему будет чем отвлечься. Мо-

жет, хотя бы ненадолго забудет о ней, Селесте, а сейчас, когда ее замысел близок к осуществлению, это особенно важно!

Тем не менее ее не оставляло гнетущее ощущение чего-то упущенного.

Селеста внимательно наблюдала за мужем, изучая его отрешенное, задумчивое лицо. Тревожный признак. Эти странные периоды молчания и замкнутости последнее время участились. А начались с того дня, когда его охватило стремление оставить обычную практику целителя-гипнотизера и заняться тщательным исследованием предмета.

И в этот момент ее отточенное интуитивное понимание мужского пола позволило ей проникнуть в истину. Она увидела эту истину с ослепительной ясностью.

– Ты принял приглашение миссис Лейк на чай, потому что хотел обнаружить, превзошла ли она тебя в искусстве гипноза, – спокойно заметила она. – В этом все и дело, не так ли? Тебе было необходимо знать, действительно ли после стольких лет она способна соперничать с твоим великим талантом или каким-то образом открыла нечто большее, чем удалось тебе?

Говард слегка насторожился. Слегка. Но и этого оказалось достаточно, чтобы подтвердить ее подозрения. Он молниеносно повернулся к ней, и она утонула в бездонной глубине его глаз.

Он ничего не сказал. Но Селеста отчего-то почувствовала, что примерзла к сиденью и не двинется с места, даже если

карета загорится. Ей стало страшно. Нет, он не может знать о ее планах! Откуда ему? И каким образом он способен проникнуть в ее замысел? Она была крайне... крайне осторожна!

Говард улыбнулся и этим словно снял с нее заклятие. Гипнотическая напряженность его взгляда ослабла.

– Поздравляю, дорогая, – заметил он. – Ты, как всегда, крайне проницательна. Знаешь, я и сам не понимал всей степени своего любопытства, пока не увидел сегодня Лавинию. Только тогда до меня дошло, как страстно я стремился выяснить, сумела ли она оправдать возложенные на нее ожидания. Она обладала невероятным природным даром. Я сумел увидеть это, когда она была еще ребенком. Тогда я был уверен, что для ее успеха необходимы лишь время и практика.

Селеста глубоко вздохнула и постаралась взять себя в руки.

– Наверное, ты гадал, сумела ли она превзойти даже твое умение?

– Может быть, – поколебавшись, ответил Говард.

– О, это было бы невозможно! – воскликнула она с абсолютной, неподдельной уверенностью. – Лучше тебя никого нет. Даже великий Месмер склонился бы перед твоими талантами.

Говард довольно хмыкнул.

– Благодарю тебя за комплимент, дорогая, но, боюсь, мы никогда не сможем узнать наверняка всю степень восхище-

ния мистера Месмера моим искусством.

– Жаль, что он умер несколько лет назад, так и не увидев тебя за работой. Но заверяю тебя, он был бы потрясен... нет, скорее умирал бы от зависти к вам, сэр. Что же до миссис Лейк... не думай о ней. Она тебе ни в коем случае не соперница – хотя бы потому, что предпочла забыть о своих врожденных способностях в пользу другого занятия.

– Похоже, ты и тут права. – Он похлопал ее по руке. – Тебе всегда удастся поднять мне настроение, дорогая. Что бы я делал без тебя!

Она улыбнулась и позволила себе чуточку расслабиться. Но не забыть. Задача, ожидавшая впереди, была слишком серьезной, чтобы проявлять беспечность. Она и раньше рисковала, но никогда не пускалась в столь опасные авантюры.

Но дело того стоит! Если все пройдет, как она задумала, прибыль будет так велика, что она снова сможет изменить жизнь. Проникнет в светское общество и наконец получит то, чего так долго добивалась.

Единственным препятствием на пути оставался Говард. Но уж его никак нельзя недооценивать! Это было бы невероятной глупостью и роковой, возможно смертельной, ошибкой!

Глава 3

– Ну и денек выдался! Словно специально предназначенный для свиданий с прошлым! – воскликнула Лавиния. – Сначала встреча на Пэлл-Мэлл, потом визит Говарда Хадсона. Но спешу заверить тебя, что в моих глазах оба джентльмена занимают совершенно разное положение.

Они сидели на каменной скамье среди искусственных и очень живописных готических развалин, обнаруженных Тобиасом много лет назад. Архитектор, вне всякого сомнения, предназначал изящное сооружение с элегантными колоннами и очаровательно обветшалыми стенами для уединенных размышлений, но, к сожалению, расположил его в самой глухой, заросшей части парка, куда редко добирались гуляющие. Кроме того, модники и модницы приходили в парк, чтобы на людей посмотреть и себя показать, и не интересовались уединением и тишиной.

Тобиас, бродя по дорожкам, как-то набрел на это местечко и сделал его своим личным убежищем. Лавиния знала, что была единственной, кого он приводил сюда.

Здесь они любили друг друга.

Воспоминание словно заворожило ее, пробудив головокружительные эмоции, о существовании которых до встречи с Тобиасом она не подозревала. Их отношения никак нельзя было назвать простыми или незамысловатыми. С одной сто-

роны, он был самым несносным человеком из всех ее знакомых. С другой – самым волнующим мужчиной на свете. Стоило ему оказаться рядом, и сознание близости становилось настолько острым, что она едва не теряла сознание.

Лавиния пока еще не знала, как относиться к их связи с ее сложным сплетением страсти и бизнеса. Но жизнь уже никогда не будет прежней теперь, когда в нее вошел Тобиас Марч.

– Кто он? – неожиданно спросил Тобиас.

Лавиния принялась старательно расправлять юбки, пытаюсь выиграть время. Чтобы собраться с мыслями.

– Это длинная история, – выдавила она наконец.

– Я не спешу.

Как бы поделикатнее начать? Она уже успела познакомиться с Тобиасом достаточно хорошо, чтобы понять: он не сдастся, пока не получит все ответы. Самый несносный и волнующий мужчина был к тому же самым целеустремленным, самым настойчивым и самым упорным.

Так что стоит поскорее все объяснить и покончить с этим. Это единственный способ добраться домой до наступления темноты.

– Помнишь, в беседе с Говардом я упомянула о несчастном случае на севере?

– Да.

– Джентльмен, которого я видела сегодня на Пэлл-Мэлл, имеет к этому прямое отношение. Его зовут Оскар Пеллинг. Я и опоздала домой, потому что была расстроена встречей с

этим ужасным человеком. Пришлось зайти в кондитерскую и выпить чаю, чтобы подкрепить силы и успокоить нервы.

– Расскажи мне об этом Оскаре Пеллинге.

– Не вдаваясь в подробности, могу объяснить только, что он обвинил меня в смерти своей жены. – Лавиния помедлила. – Впрочем, он, может быть, и прав.

Последовала короткая пауза, во время которой Тобиас пытался осмыслить это откровенное признание. Чуть подавшись вперед, он зажал руки между коленями и всмотрелся в высокую зелень, обрамлявшую руины.

– Ты пыталась применить месмеризм и это не помогло? – спросил он наконец.

– Да.

– Вот как!

Лавиния на мгновение застыла.

– И что, спрашивается, означает эта реплика?

– Теперь мне стало ясно, почему два года назад ты отказалась от своей профессии и принялась менять одно занятие за другим, чтобы прокормить себя и Эмелин. Боялась, что причинишь вред своим искусством.

Еще одна пауза. На этот раз куда длиннее.

Лавиния глубоко вздохнула.

– Неудивительно, что вы избрали карьеру частного детектива, сэр. У вас определенный талант к дедуктивному мышлению.

– Поведай мне все, и подробно, – потребовал он.

– Джессика, жена Оскара Пеллинга, недолгое время лечилась у меня от нервного расстройства, – пояснила Лавиния и, помедлив, продолжила: – Она казалась очень милой женщиной. Хорошенькой. Немного выше среднего роста. Элегантная. Богатые утонченные дамы ее положения часто очень чувствительны и страдают от обмороков и легких приступов истерии.

– Да, я это тоже слышал, – кивнул он.

– Но мне почти сразу же стало ясно, что состояние Джессики куда хуже, чем предполагалось. Однако она упорно сопротивлялась моему намерению ввести ее в транс.

– В таком случае почему же она хотела у тебя лечиться?

– Возможно, чувствовала, что ей не к кому больше обратиться. Она приходила ко мне всего три раза и в каждом случае была чрезвычайно взволнованна. В первые два визита Джессика настойчиво расспрашивала меня о природе гипнотического транса.

– Может, боялась попасть под чью-то власть?

– Не совсем. Миссис Пеллинг, похоже, больше тревожила вероятность того, что в этом состоянии она может выдать какие-то важные тайны, а потом, пробудившись, не вспомнит об этом. Я поклялась, что в точности повторю ей все сказанное в трансе, но, боюсь, она мне не до конца поверила.

– Значит, не слишком хорошо тебя знала.

– Спасибо за комплимент, – грустно улыбнулась Лавиния. Тобиас пожал плечами.

– Я несколько тебе не польстил. И готов выложить тебе самые страшные свои секреты. Впрочем, так уже не раз бывало.

– И я всегда готова ответить тебе тем же, – искренне выдохнула Лавиния. Да, пусть Тобиас невероятно упрям и высокомерен – на него можно безоглядно положиться. – Что я сейчас и делаю.

– Я тебя слушаю, – кивнул он.

– Как я уже сказала, Джессика просто жаждала испытать это состояние, но считала также, что ей некуда деваться.

– Отчаявшаяся женщина.

– Да.

Лавиния помолчала, припоминая подробности последнего сеанса.

– Но, как я сказала бы, не павшая духом.

Тобиас вскинул голову. В умных глазах мелькнуло удивление.

– Значит, она не страдала от меланхолии?

– Тогда я этому не верила. И как уже упоминала, в первые две встречи мы обсуждали терапевтическую природу месмеризма. Я описала ее как можно более подробно, пока Джессика металась взад-вперед перед моим письменным столом.

Тобиас освободил руки, выпрямился и принялся рассеянно массировать левое бедро.

– Похоже, миссис Пеллинг всерьез искала исцеления для своих несчастных нервов, но при этом не совсем верила в

месмеризм. И я вполне ее понимаю.

– Я давно знаю, что ты отвергаешь эту науку, считая всех ее последователей лжецами и шарлатанами, верно?

– Это не совсем так, – спокойно ответил Тобиас. – Я считаю, что некоторые слабые личности легко поддаются гипнозу. Но вряд ли человека моего склада можно подчинить своей воле.

Наблюдая, как он продолжает потирать бедро, Лавиния не могла не вспомнить о пуле, прошившей его ногу несколько месяцев назад. Тобиас решительно отказался от предложения ввести его в транс, чтобы облегчить боль.

– Вздор! – резко бросила она. – Истина заключается в том, что сама мысль о трансе до того лишает тебя присутствия духа, что ты предпочитаешь страдать от боли, чем позволить мне провести пару сеансов. Признайте это, сэр.

– Рядом с тобой, дорогая, я всегда чувствую себя как в трансе.

– Не пытайся купить меня такой дешевой лестью!

– Дешевой?

Он отнял руку от бедра.

– Я раздавлен, мадам, поскольку воображал это наивысшей похвалой при подобных обстоятельствах! Но в любом случае моя рана прекрасно зажила без всякого месмеризма.

– Но она часто ноет, особенно в сырую погоду. Даже сейчас она тебя беспокоит, верно?

– Я обнаружил, что рюмка-другая бренди творят чудеса, –

заверил он. – И как только мы вернемся домой, обязательно прибегну к спасительному средству. Но довольно обо мне. Умоляю, продолжай.

Лавиния машинально сорвала стебелек какой-то травки.

– Когда Джессика Пеллинг пришла ко мне в третий и последний раз, я заметила, что она чем-то расстроена. Не задавая вопросов, она попросила меня ввести ее в транс. Мне без труда это удалось. Должна сказать, она превосходно поддавалась внушению. Я принялась расспрашивать ее, чтобы обнаружить источник тревог. К моему величайшему потрясению, она открыла, что смертельно боится мужа.

– Оскара Пеллинга?

– Да. – Лавиния вздрогнула. – Они были женаты всего год, но, судя по всему, супружеская жизнь для нее стала кошмаром. У меня до сих пор живы в памяти подробности последнего сеанса:

«– ...Оскар снова сердился сегодня.

Джессика говорила с неестественным спокойствием человека, не сознающего, что с ним.

– Сказал, что я выбрала не те блюда на ужин. Утверждает, будто я сделала это намеренно, чтобы оспорить его власть как хозяина дома и главы семьи. Говорит, что я дерзка и непослушна. И что ему придется снова меня наказать...

Ледяной озноб охватил Джессику, холодным комом собрался в желудке.

– Прошлой ночью он сделал вам больно, Джессика?

– Да. Как всегда, когда меня наказывает. Говорит, это я виновата в том, что он вынужден так поступать.

– Как это было, Джессика?

– Обычно он отсылает слуг к себе. Потом хватает меня за руку... тащит в спальню... и начинает бить. Если я плачу, удары становятся еще ожесточеннее.

Лавиния всмотрелась в привлекательное лицо Джессики. Ни единого синячка.

– Куда именно он старается вас ударить?

– В грудь. В живот. Везде, кроме лица. Он всегда старается не тронуть лицо. Говорит, что не желает, чтобы меня кто-то жалел. Я такая плохая жена, что, несомненно, воспользуюсь случаем показать всем подбитый глаз или треснувшую губу, чтобы вызвать сочувствие тех, кто не знает, что я заслужила это наказание.

Лавиния в ужасе уставилась на нее.

– И часто это бывает?

– Последнее время приступы ярости случаются почти каждый день. Он словно подходит все ближе к той минуте, когда окончательно потеряет контроль над собой. Он, очевидно, и женился только с целью прибрать к рукам мое наследство. Думаю, скоро он меня убьет».

Лавиния потрянула головой, словно пытаясь избавиться от жутких мыслей.

– Поверишь, я больше не смогла вынести этого страшного

рассказа, – призналась она, – поскорее вывела ее из транса и изложила все, что она мне рассказала.

– И как она отреагировала?

– Бедняжка сгорала со стыда. Сначала пыталась все отрицать. Но, судя по тому, как себя держала, сразу можно было сказать, что она страдает от боли, как физической, так и нравственной. Когда я так прямо и сказала ей, она не выдержала и расплакалась.

«– Что мне делать? – спрашивала Джессика сквозь слезы.

– Делать? – поразилась Лавиния. – Как что? Уйти от него, и как можно скорее.

– Я только об этом и мечтаю, – заверила Джессика, вытирая глаза платком, протянутым Лавинией. – Но все мое состояние у него в руках. У меня нет близких родственников, к которым можно бы обратиться за помощью. Денег не хватит даже на то, чтобы добраться до Лондона. Но если мне и удастся сбежать, что будет потом? Я ничего не умею делать, чтобы заработать на жизнь, и кончу тем, что пойду на панель. А Оскар наверняка будет меня искать. И, не дай Бог, найдет. Тогда уж мне не жить.

– Вы должны спрятаться. Взять другую фамилию. Объявить себя вдовой.

– Но деньги?

Джессика крепко прижала к груди ридикюль.

– Я в ловушке.

Лавиния словно впервые увидела кольцо Джессики.

– Может, выход все-таки есть...»

– Почему меня не удивляет то обстоятельство, что ты влезла не в свое дело? – сухо осведомился Тобиас. – И что же было дальше?

– Джессика носила совершенно необычное кольцо. Золотое, с цветными камнями, а в самом центре крошечными сверкающими бриллиантами был выложен цветок. Я спросила ее о кольце. Джессика сказала, что украшение передавалось из поколения в поколение и она никогда его не снимает. Мне кольцо показалось очень дорогим.

– И ты, разумеется, посоветовала его продать, чтобы начать новую жизнь.

Лавиния пожала плечами.

– А что еще оставалось делать? Правда, был и другой выход – отравить Оскара Пеллинга. Но разве она могла решиться на это, в ее состоянии? У меня сложилось впечатление, что на столь решительный шаг она не способна.

Уголки губ Тобиаса чуть приподнялись.

– Не то что ты. Ты бы не задумалась.

– Только если деваться было бы некуда, – заверила она. – В любом случае мне казалось, что план с кольцом – самый лучший. Я знала, что если она сумеет добраться до Лондона, там ей дадут за него неплохие деньги. Недостаточно, чтобы жить в роскоши до конца дней своих, но по крайней мере

у нее были бы средства продержаться, пока не представится возможность найти работу.

– Дорогая, ты так часто начинала новую жизнь с нуля, что совсем не учишься одного: не все, подобно тебе, так решительны, находчивы и изобретательны.

– Может, ты и прав, – вздохнула она. – Должна сказать, что, хоть сама я и считала свой план идеальным, выслушав меня, Джессика даже растерялась. Похоже, она была совершенно возмущена самой мыслью о том, что придется взять новое имя и найти способ зарабатывать себе на жизнь. Она росла в богатой семье, у нее всегда были деньги, и несчастная представить себе не могла, что это значит – потерять состояние.

– Какая чертовская несправедливость! Ведь это ее наследство! Что это за законы такие, по которым она не имеет прав на собственное приданое! – посочувствовал Тобиас.

– Ты, разумеется, прав. Мне тоже было жаль ее. Но что ей оставалось делать, кроме как продать кольцо или начать учиться благородному искусству изготовления ядов? Хотя, как уже сказано, я не верила в то, что она выберет последний способ.

– Иногда у меня от тебя мурашки по коже бегают!

– Вздор! Уверена, что на моем месте ты дал бы ей тот же совет.

Тобиас пожал плечами, но не стал возражать. Лавиния сосредоточенно нахмурилась.

– Беру назад свои слова. Вряд ли ты посоветовал бы ей брать на себя труд и менять имя. Скорее уж устроил бы Пеллингу преждевременную встречу со смертью под видом несчастного случая.

– Поскольку я не на твоём месте, то и нет смысла гадать.

– Иногда у меня от тебя мурашки по коже бегут, – передразнила Лавиния.

Тобиас улыбнулся, вне сомнения, посчитав, что она шутит. Но Лавиния говорила совершенно серьёзно. Бывало, что ее и в самом деле дрожь от него брала. В душе Тобиаса, вне всякого сомнения, было немало темных уголков. Время от времени ей невольно приходило на ум, что она слишком много о нем не знает.

– И что же случилось с Джессикой Пеллинг? – осведомился Тобиас.

– Больше я ее не видела, – прошептала Лавиния. – На следующий день она покончила с собой.

– Как именно? Пузырек с настойкой опия? Слишком много выпила макового молочка?

– Нет. Она избрала куда более эффектное средство. В самый разгар сильной бури ускакала из дома и бросилась в бушующую реку. Лошадь вернулась домой одна. Позже горничная нашла в спальне миссис Пеллинг записку, где объявлялось о намерении утопиться.

– Хм-м...

Наступило недолгое молчание.

– Ее тела так и не нашли.

– Хм-м.

– Такое иногда случалось, – объяснила Лавиния, стискивая руки. Воспоминания о том ужасном дне до сих пор оставались настолько свежи и яркие, что она судорожно втянула в себя воздух и, поперхнувшись, закашлялась. – Река местами очень глубока, а дно илистое. Не так уж редко какого-нибудь беднягу уносило потоком на веки вечные.

– И Оскар Пеллинг обвинил тебя в смерти жены.

– Да. Сразу же после того, как поиски были прекращены, он накинулся на меня прямо на улице, притом с такой яростью, что я... я почти опасалась за собственную безопасность.

Тобиас мгновенно насторожился.

– Он коснулся тебя? Попытался ударить? Причинил боль?

Появившееся в его глазах неумолимое выражение послало новую волну озноба по спине Лавинии. Съежившись от непонятного страха, она поспешила заверить:

– Нет. Нет, вряд ли он посмел бы предпринять что-то в этом роде в присутствии стольких свидетелей. Но все же громко орал, что именно я довела Джессику до гибели своим месмерическим лечением.

– Понятно.

– Кроме того, он постарался распространить слухи о моей некомпетентности по всей округе и очень скоро совершенно погубил мою репутацию. Я потеряла всех своих пациен-

тов, – пояснила Лавиния и, помявшись, добавила: – Говоря по правде, я уже тогда сомневалась, что смогу и дальше практиковать месмеризм.

– Боялась, что Пеллинг прав? И что твое лечение сыграло роль в самоубийстве Джессики?

– Да.

Ну вот. Ее самая мрачная тайна стала известна Тобиасу.

И тут Лавинию осенило. Может, именно поэтому она и была так потрясена видом Оскара Пеллинга? Интуиция подсказывала ей, что эта встреча каким-то образом кончится крахом их отношений с Тобиасом, когда тот обнаружит, что она причастна к смерти невинной женщины. Лавиния слишком хорошо знала, как сильно он презирает месмеризм и что именно думает о проповедниках этого учения. И поэтому приготовилась выслушать приговор, хотя какой-то частью разума не переставала задаваться вопросом: когда и как его мнение о ее характере стало таким важным? Почему ей не все равно, что он о ней думает?

– Пожалуйста, выслушай меня, Лавиния.

Тобиас подался к ней и забрал ее сцепленные пальцы в свою большую теплую руку.

– Ты тут ни при чем. Хотя бы потому, что всего лишь пыталась помочь ей. Отчаянное положение призывало к отчаянным мерам. Твой план продать кольцо и начать новую жизнь под новым именем действительно был превосходен. И не твоя вина, что у нее не хватило храбрости и силы воли

выполнить его.

Сначала Лавинии показалось, что она не расслышала.

Тобиас не осуждает ее! Мир словно расцвел новыми красками, воздух стал прозрачнее и благоуханнее. Она позволила себе дышать свободно.

– Но возможно, подбивая Джессику на такой риск, я вынудила ее увидеть собственную беспомощность и бросила в глубины безнадежности. – Лавиния вонзила ногти в ладони. – Заставила ее понять, что впереди – только тьма и единственный выход – покончить с этой жизнью.

– Ошибаешься. По-моему, ты показала ей путь к свету. И от Джессики зависело, воспользоваться им или нет.

Тобиас притянул ее к себе и обнял за плечи.

– Ты сделала все, что смогла.

Странно, до чего же приятно прижаться к нему! Да, с ним очень нелегко, но временами его неиссякаемая надежная сила как нельзя более успокаивающе действует на ее нервы!

И он не осуждает ее за случившееся.

– Не стоило мне так расстраиваться при виде Пеллинга, – решила она наконец. – Вполне естественно, что состоятельный джентльмен его положения время от времени навещает столицу... по делам или за покупками.

– Совершенно верно.

– И тем более нет ничего необычного в том, что я встретила его на Пэлл-Мэлл. В конце концов, мир тесен, особенно когда речь идет о магазинах.

– Ты расстроилась вовсе не потому, что внезапно столкнулась с Пеллингом, – объяснил Тобиас. – Просто неприятные воспоминания о бесславном конце твоей карьеры гипнотизера расстроили тебя.

– Отчасти.

– Но в основном потому, что я почувствовала необходимость признаться тебе во всем, – добавила она. – Вот и пришлось зайти в кондитерскую, немного опомниться. Поэтому я и опоздала. Хотела оттянуть время.

Но дело сделано. Правда вышла на свет Божий, и Тобиас не ополчился против нее. Мало того, изобразил ее кем-то вроде героини драмы. Поразительно!

– Теперь у тебя новое дело, Лавиния, – утешил он. – Прошлое ушло навсегда.

Она расслабилась чуть больше, наслаждаясь жаром его тела. Тобиас наклонил голову и прижался губами к ее губам.

– Пожалуй, для таких занятий слишком холодно, – проворкотала она, чуть отстраняясь.

– Я согрею тебя, – пообещал он.

Глава 4

Небольшая компания энергичных молодых щеголей, окруживших Эмелин у входа в институт, донельзя действовала Энтони на нервы. Все они уверяли ее в своем огромном интересе к только что прослушанной лекции, но Энтони с полным основанием подозревал, что у большинства из них были совершенно другие интересы и, уж несомненно, свои скрытые мотивы. Однако Эмелин, казалось, вовсе ни о чем не подозревая, увлеченно доводила до сведения присутствующих собственное мнение о лекции.

– Боюсь, что мистер Лексингтон совсем недолго пробыл в Италии, если был там вообще, – объявила она. – Его описание римских памятников и фонтанов я считаю весьма слабым, если не сказать больше. Как вам известно, мы с тетушкой имели возможность провести в этом городе несколько месяцев, и...

– И это, вне всякого сомнения, еще обострило ваш и без того утонченный вкус, – угодливо заметил один из джентльменов. – Стоит лишь взглянуть на ваше платье! Какой поразительный оттенок янтарно-золотого! Цвет закатного неба, затмить который в состоянии только блеск ваших глаз, мисс Эмелин.

Ему вторил согласный хор молодых голосов.

– Благодарю вас, сэр, – как ни в чем не бывало кивнула

Эмелин. – Итак, как я уже сказала, нам с тетушкой повезло прожить несколько месяцев в Риме, и могу заверить вас, мистер Лексингтон не воздал должное этому поразительно-му городу. Он так и не смог донести до слушателей истинное изящество и поразительную красоту памятников. Получилось так, что, будучи в Италии, я смогла сделать несколько рисунков и набросков...

– О, как бы мне хотелось их увидеть, мисс Эмелин, – донесся голос из самой гущи толпы.

– И мне тоже, мисс Эмелин.

– Ни один памятник, даже самый живописный, не может сравниться с вашей красотой, мисс Эмелин, – вырвалось еще у одного.

Энтони понял, что с него достаточно, и картинным жестом извлек из кармашка часы.

– Боюсь, что должен вмешаться, мисс Эмелин. Уже достаточно поздно, а я обещал вашей тетушке привезти вас домой к пяти. Нам нужно спешить.

– Да, конечно.

Эмелин одарила поклонников очаровательной улыбкой.

– Мистер Синклер совершенно прав. Нам нужно ехать. Но я поистине наслаждалась нашей беседой. Как удивительно! Я и понятия не имела, что так много джентльменов интересуется римскими памятниками и фонтанами.

– Я поражен, мисс Эмелин.

Джентльмен в таком облегающем сюртуке, что было непо-

нятно, как он вообще может двигаться, отвесил ей низкий поклон.

– Уверяю, я просто в восторге от этой темы и ваших познаний в ней.

– Заворожен, – вторил еще кто-то.

Это послужило началом оживленной перепалки, в которой каждый пытался убедить Эмелин, что его собственные интеллектуальные устремления куда выше, чем у соперников.

Энтони едва сдерживался, чтобы не зарычать, и, схватив Эмелин за руку, потянул вниз по ступенькам. Вслед понеслись грустные слова прощания.

– Я не знала, что мы так задерживаемся, – пробормотала она.

– Не волнуйся, – заверил Энтони, – мы успеем вернуться прежде, чем твоя тетушка начнет волноваться.

– А ты что думаешь о лекции мистера Лексингтона? – поинтересовалась она.

После некоторого колебания Энтони пожал плечами:

– Откровенно говоря, я нашел ее донельзя скучной.

Эмелин звонко рассмеялась.

– В этом отношении я полностью с тобой согласна. Но тем не менее считаю, что прекрасно провела день.

– Как и я.

Правда, Энтони считал, что провел бы его куда лучше, если бы не пришлось пробираться сквозь целую толпу денди в

зале. Он был совершенно уверен, что их привлекли сюда вовсе не римские фонтаны и памятники, а красота Эмелин. Последнее время, после блестящего дебюта в обществе и несомненного успеха на балах, девушка, можно сказать, вошла в моду, и ухаживать за ней считалось делом чести.

Энтони прекрасно знал, что отсутствие приданого и влиятельных связей не позволит ей долго вращаться в высшем свете, несмотря на все интриги Лавинии. Кроме того, предусмотрительные маменьки вряд ли позволят сыновьям серьезно ухаживать за Эмелин.

К сожалению, даже это не помешало многим молодым аристократам увлечься прелестной и необычной оригиналкой, как не воспрепятствовало бессердечным повесам и распутникам, сделавшим охоту на невинных девушек своеобразным видом спорта, пытаться ее соблазнить.

Энтони сам себя назначил добровольным опекуном Эмелин и считал своим долгом защищать ее от нежелательных знаков внимания. Но последнее время больше всего его беспокоило то, что она решит ответить на заигрывания.

Было бы куда проще, если бы он честно объявил о своих чувствах и предложил руку и сердце. Но беда в том, что он не мог содержать ее в той роскоши, какой, по его мнению, она заслуживала.

Энтони день и ночь мучился, пытаясь найти возможное решение неразрешимой, по его мнению, проблемы. Все сводилось к одному: он должен найти способ содержать семью,

и притом как можно скорее, прежде чем кто-то из мужчин, отирающихся возле Эмелин, послушается родителей и уговорит ее сбежать с ним.

Возвращение в маленький домик на Клермонт-лейн было довольно поспешным не только потому, что день клонился к вечеру, но и из-за туч, затянувших небо и угрожавших дождем.

– Что-то случилось? – спросила Эмелин, когда они добрались до маленького парка и свернули за угол. – Ты заболел?

Это не только вывело его из глубокой задумчивости, но и разозлило. С чего это она вдруг посчитала его больным?

– Нет, вовсе нет. Я думаю.

– Вот как? А по твоему выражению мне показалось, что мороженое, которое мы съели за обедом, плохо на тебя подействовало.

– Уверяю, Эмелин, я в полном здравии.

– Я просто озабочена твоим видом.

– Эмелин, твоя тетушка ясно дала понять, что прежде, чем принять предложение руки и сердца, ты должна сполна насладиться развлечениями этого сезона.

– А какое отношение имеет ко всему этому замужество? – удивилась Эмелин.

Энтони наконец собрался с духом.

– Вполне возможно, что в любой момент кто-то из этих... этих джентльменов, осаждавших тебя сегодня после лекции, может решиться покончить с холостой жизнью.

– О, вот в этом я сильно сомневаюсь. Вряд ли их матушки одобряют такой выбор. Им важны знатность и хорошее приданое, и я уверена, что, когда придет время, они станут искать в будущей невесте именно эти качества.

– Но... бывает и так, что безрассудный молодой человек решается сбежать с девушкой, которую его родители находят совершенно неподходящей партией, – мрачно объявил Энтони.

– Как вечно делают джентльмены в тех поэмах, которые так обожает читать тетя Лавиния? – усмехнулась Эмелин. – До чего же романтично! Но я очень сомневаюсь, что способна вдохновить кого-то на такой подвиг!

– Именно ты, и никто иной!

Энтони внезапно замер на месте и уставился на нее.

– Ты должна быть настороже, Эмелин. В любой момент какой-нибудь развратник может возникнуть у твоего окна посреди ночи и умолять тебя сесть в экипаж, ожидающий на улице.

Совсем как в его безумных фантазиях! Сколько раз он мечтал об этом!

– Бегство в Гретна-Грин³?! – ахнула Эмелин, распахнув глаза. – Чепуха! Не могу представить, как у кого-то из этих джентльменов хватит духа сделать что-то настолько волнующее!

³ Шотландская деревня, где можно было заключить брак без необходимых формальностей.

Желудок Энтони судорожно сжался.

– Хочешь сказать, что находишь волнующей саму идею побега с кем-то из этих пустоголовых щеголей?

– Совершенно верно.

У него похолодела кровь.

И тут она улыбнулась.

– Разумеется, это совершенно невозможно.

– Невозможно?!

Он мгновенно ухватился за это слово.

– Да, разумеется. Абсолютно невозможно.

– Вот именно.

Но в глубине души он знал, что возможно все. В прошлом сезоне такое уже бывало, и, вне всякого сомнения, случится и в этом. Раньше или позже парочка, которой запретили пожениться, ночью сбежит в Гретна-Грин. И если доведенные до отчаяния отцы не успеют их нагнать, молодые люди вернуться уже мужем и женой. Родителям волей-неволей придется смириться, а обществу будет о чем посплетничать за вечерним чаем.

Если у него осталась хоть унция здравого смысла, он будет молчать! – подумал Энтони. Но вместо этого старательно откашлялся.

– Э-э... почему ты считаешь невозможным сбежать с одним из этих джентльменов? – осторожно осведомился он.

– Потому что я ни в кого из них не влюблена, – отмахнулась Эмелин, глядя на крошечные часики, приколотые на ее

ротонде. – Бежим, Энтони, нам нужно спешить, иначе попадем под дождь. Тетя Лавиния в обморок упадет, если я испорчу новое платье.

Она ни в кого из них не влюблена!

Он поспешно напомнил себе, что из этого еще не следует, будто она любит его. Но по крайней мере она не питает никаких чувств к кому-то другому.

Его настроение волшебным образом разыграло.

– Успокойся, Эмелин, – улыбнулся он. – Леди, способная стать партнером Тобиаса, вряд ли лишится сознания при виде промокшего платья.

– Ты и не знаешь, сколько надежд возлагает тетя Лавиния на туалеты мадам Франчески. Она считает их выгодным капиталовложением.

К несчастью, он прекрасно понимал, почему Лавиния столько тратит на наряды от дорогой модистки. Все еще мечтает найти Эмелин знатного, титулованного жениха!

Они уже свернули на Клермонт-лейн, когда Энтони заметил Тобиаса и Лавинию, поднимавшихся на крыльцо дома номер семь.

– Похоже, не мы одни сегодня опаздываем к ужину, – жизнерадостно заметила Эмелин. – Должно быть, Лавиния и мистер Марч решили размяться.

Энтони исподтишка изучал Тобиаса, небрежно прислонившегося к железным перилам, пока Лавиния доставала из ридикюля ключ. Даже на расстоянии он видел довольную

физиономию зятя. В эту минуту Тобиас ужасно походил на хищника, отдохавшего после успешной охоты.

– Довольно энергичная разминка, если не ошибаюсь, – пробормотал Энтони.

– Ты о чем? – с любопытством осведомилась Эмелин.

К счастью, до объяснений дело не дошло. В этот момент Тобиас повернул голову и увидел молодых людей.

– Добрый день, мисс Эмелин, – кивнул он ей. – Ну как лекция?

– Не настолько познавательная, как хотелось бы, но мы с Энтони тем не менее неплохо провели время, – весело сообщила Эмелин.

Миссис Чилтон распахнула дверь как раз в ту минуту, как Лавиния нашла ключ.

– Не хотите зайти выпить чаю? – спросила она Энтони.

– Спасибо, нет, – отказался он, устремив многозначительный взгляд на Тобиаса. – Я хотел бы поговорить с тобой, если не возражаешь.

Тобиас поднял бровь и оттолкнулся от перил.

– А это не может подождать?

– Боюсь, что нет. Дело важное.

– Прекрасно. Обсудим его по пути в мой клуб, – кивнул Тобиас и обратился к Лавинии: – Я должен распрощаться, мадам.

– До скорого свидания, сэр.

Энтони был несколько удивлен столь нежным прощанием,

но Тобиас, казалось, не находил в этом ничего странного.

Они подождали, пока дамы не войдут в дом, и только тогда попытались поймать извозчика. Это без труда им удалось, после чего они удобно расположились на сиденьях.

Тобиас бросил на Энтони вопросительный взгляд.

– Что-то случилось? У тебя такой вид, будто касторку проглотил.

За последний час Энтони уже дважды заявили, что выглядит он как нельзя хуже. До чего же неприятно, и ужасно раздражает.

– Мне необходимо состояние! – объявил он.

– Как и нам всем, – бросил Тобиас, вытягивая ноги. – Если сумеешь найти таковое, дай мне знать. Буду счастлив разделить его с тобой.

– Я вполне серьезно. Хочу иметь деньги, которые позволили бы мне содержать жену если не в роскоши, то в комфорте.

– Черт возьми! – пробормотал Тобиас, встретившись глазами с молодым человеком. – Ты влюблен в мисс Эмелин, не так ли?

– Да.

– Проклятие, этого я и боялся! Ты уже открыл ей свои чувства?

– Разумеется, нет! Я не имею права сделать это, потому что не могу просить ее выйти за меня.

Тобиас понимающе кивнул.

– Потому что у тебя нет ни гроша.

Энтони побарабанил пальцами по раме окна.

– Я кое-что придумал.

– Упаси нас Господь от молодых людей, которые слишком много думают.

– Но я настроен очень решительно.

– Это я вижу. И насколько понял, у тебя уже есть план, как приобрести это самое состояние?

– Я неплохо играю в карты. При небольшой практике...

– Нет.

– Согласен, никогда не играл по большим ставкам, потому что ты против карточных игр, но думаю, что лицом в грязь не ударю.

– Нет.

– Выслушай же меня! – Энтони подался вперед, полный решимости убедить Тобиаса. – Большинство игроков, беря в руки карты, забывают о логике и системе. Наоборот, зачастую садятся за ломберные столики нетрезвыми, чтобы не сказать больше. Неудивительно, что некоторые джентльмены проигрываются в прах. Я же собираюсь рассматривать игру с точки зрения математической задачи.

– Твоя сестра вернется с того света, чтобы терзать меня, если я позволю тебе пуститься во все тяжкие. Ты не хуже меня знаешь: больше всего на свете она боялась, что ты станешь игроком.

– Да, и что из-за этого я кончу жизнь, вконец разорив-

шись, как наш отец. Но заверяю тебя, страхи Энн напрасны.

– Ад и проклятие, она изводилась от тревоги вовсе не потому, что твой отец потерял все, чем владел, и до конца жизни не мог устоять перед чертовыми ломберными столиками! Беда в том, что он позволил себя убить из-за спорной взятки как раз в тот момент, когда пытался вернуть проигрыш. Пойми, в этом занятии победителей не бывает.

– Я не мой отец.

– И это мне известно.

Энтони негодуя застыл. Он предвидел и боялся конфликта с того самого момента, как замыслил свой план. Да, добиться своего будет нелегко, но он должен стоять на своем!

– Не желаю спорить с тобой по этому поводу, – процедил он. – Мы оба знаем, что ты не можешь меня остановить. Я уже давно не мальчик и сам могу принимать решения.

Глаза Тобиаса приняли цвет штормового моря. За все годы, прожитые с человеком, ставшим куда лучшим отцом для Энтони, чем его собственный родитель, юноша редко видел в них столь неумолимое и холодное выражение.

Энтони зябко передернулся.

– Давай выясним все до конца, – выговорил Тони так зловеще-вкрадчиво, что у молодого человека душа ушла в пятки.

– Если настаиваешь на своем, знай, что тебе это так не сойдет. Убеждай себя сколько хочешь, что я не могу тебе помешать, но поверь, что, куда бы ты ни ступил, я встану у

тебя на пути. Я свой долг перед памятью Энн исполню. И не думай, будто я забуду то, что ей обещал.

Энтони еще раз напомнил себе, что предвидел все эти трудности. Поэтому он глубоко вздохнул и распрямил плечи.

– Не собираюсь спорить с тобой из-за этого, – пробурчал он. – Ты прекрасно знаешь, что я уважаю тебя и твою верность клятве, – начал он. – Но сам отчаялся настолько, что не вижу иного выхода.

Вместо того чтобы ответить очередной назидательной тирадой, Тобиас отвернулся к окну, за которым мелькали темные улицы, и впал в мрачное продолжительное молчание.

Энтони терпел сколько мог и наконец попытался ослабить напряжение.

– Тобиас? Ты что, совсем не желаешь со мной разговаривать? – Он с трудом вымучил улыбку. – На тебя не похоже. Я ожидал чего-то более действенного. Например, угрозы лишить меня карманных денег за квартал.

– Я уже объяснял, что не тебе одному не терпится добратся до больших денег.

Энтони от изумления даже рот приоткрыл, потрясенный внезапным оборотом, который приняла беседа.

– Я думал, что ты шутишь.

– Уверяю, я серьезен, как никогда.

И тут Энтони словно молнией ударило.

– Господи Боже! Все дело в миссис Лейк, не так ли? Подумываешь предложить ей стать твоей женой?

Тобиас слегка повернул голову.

– На это у меня не больше прав, чем у тебя на руку мисс Эмелин.

Все складывается как нельзя лучше, подумал Энтони. Оставалось только перейти ко второй части его тщательно продуманного плана.

– Напротив, – вкрадчиво возразил он. – Не такие уж у тебя стесненные обстоятельства. Если на то пошло, я тебе завидую. В конце концов, ты далеко не нищий. Время от времени ты получаешь недурные комиссионные за удачно решенные дела.

– Моя профессия целиком зависит от случайности, а доходы весьма непостоянны, как тебе известно.

– Но миссис Дав щедро заплатила тебе за расследование убийств в музее восковых фигур. Недаром ты смог стать пайщиком одного из кораблей Крекенберна, не так ли?

– Денег хватило всего на одну акцию. Кроме того, я понятия не имею, получу ли хоть какую-то прибыль и вернется ли вообще чертово судно с Востока? Придется ждать несколько месяцев.

– Ну а пока тебе приходится ждать и надеяться, что миссис Лейк не поддастся чарам другого джентльмена, который может позволить себе жениться, – кивнул Энтони.

– Как видишь, я вполне сочувствую твоим бедам.

Энтони пожал плечами.

– Если это может послужить некоторым утешением, уве-

рю вас, что сильно сомневаюсь в намерениях миссис Лейк выйти замуж по расчету.

Тобиас промолчал и снова отвернулся к окну.

– Эмелин обсуждала со мной отношение ее тетки к женитьбе, – пояснил Энтони.

Тоби мгновенно насторожился:

– Что сказала тебе мисс Эмелин?

– Она совершенно уверена, что, хотя миссис Лейк всегда рассуждает о преимуществах богатства, в душе она неисправимый романтик.

– Лавиния? Романтик? Откуда она, черт побери, это взяла?

– Думаю, всему причиной любовь миссис Лейк к романтической поэзии.

Тобиас, немного подумав, покачал головой.

– Дьявол, нельзя отрицать, что Лавиния обожает стихи. Но она слишком прагматична, чтобы позволить нежным чувствам влиять на важные решения.

Энтони потихоньку вздохнул и напомнил себе, что хотя Тобиас обладал многими превосходными качествами, все же терпеть не мог романтических или сентиментальных поступков и никогда не брал на себя труд совершенствовать тонкое искусство угождения дамам.

– Эмелин, похоже, абсолютно уверена в том, что именно из-за своей романтической чувствительности миссис Лейк попросту не способна пойти под венец без любви, – терпе-

ливо пояснил он. – Независимо от того, как бы ни был богат жених.

– Хм-м...

В других обстоятельствах угрюмый вид Тобиаса был бы почти забавен, подумал Энтони. В других. На самом же деле ему отчего-то было жаль зятя. Энтони знал, что у Тобиаса были романы, но с тех пор, как он потерял Энн и ребенка, ни к одной женщине не питал достаточно сильных чувств, чтобы подумывать о браке. Пока не появилась миссис Лейк. На этот раз все было достаточно серьезно. Тобиас нуждался в помощи и наставлениях.

– Мне кажется, что в отношениях с миссис Лейк романтика не помешает, – начал Энтони, тщательно выбирая слова. – Трудно не заметить, что иногда ты бываешь с ней несколько резковат.

– Вне всякого сомнения, хотя бы потому, что она стремится на каждом шагу мне противоречить. В жизни не встречал женщины упрямее.

– А по-моему, ей просто надоедает слушать твои приказы. Тобиас воинственно выдвинул челюсть.

– Прах все это побери! Вряд ли от меня можно ожидать чудесного превращения в подобие лорда Байрона и его подражателей. Прежде всего я слишком стар, чтобы разыгрывать романтического поэта, да и все мои стихи не будут стоить и гроша ломаного.

– Я вовсе не предлагаю тебе стать поэтом. Просто можешь

попробовать изъясняться более высоким стилем.

Тобиас подозрительно прищурился:

– То есть?

– Ну... скажем, встретившись утром, можешь сравнить ее с богиней.

– Богиней?! Ты никак спятил?!

– Всего лишь совет.

Тобиас принялся массировать левое бедро. Оба долго молчали.

– С какой богиней? – неожиданно спросил он.

– Ну... никогда не помешает сравнить даму с Венерой.

– Венера. Совершенный вздор! Лавиния рассмеется мне в лицо.

– Я так не думаю, – мягко возразил Энтони. – Ни одна дама не станет смеяться, если ее уподобят самой Венере.

– Ха!

Кажется, на этот раз Энтони сделал все, что смог. Пора переводить разговор на более насущные темы.

– Если я смогу накопить достаточно денег, – небрежно спросил он, – как по-твоему, позволит Крекенберн и мне приобрести долю в одном из его судов?

– Ты не отыщешь необходимых для этого средств в тех гнусных клубах, где глупцы ищут обогащения за карточными столами, – отрезал Тобиас.

В экипаже стало еще темнее. Губы Тобиаса плотно сжались.

– Я достаточно часто говорил, что ты можешь сделать блестящую карьеру делового человека, – выговорил он наконец. – У тебя прекрасные способности к цифрам и деталям. Крекенберн будет счастлив рекомендовать тебя одному из своих друзей.

– Я не питаю интереса к подобной профессии.

На этот раз молчание было еще продолжительнее.

– У меня другое предложение, – нарушил тишину Энтони. Теперь, приближаясь к конечной цели, он был еще осмотрительнее.

– Какое именно? – с подозрением осведомился Тобиас.

– Ты мог бы взять меня в помощники.

– Но ты и без того иногда выполнял эти обязанности.

– Случайно и время от времени, – возразил Энтони, все больше увлекаясь. Сама идея зрела в его мозгу едва ли не с утра. – Я имею в виду должность твоего официального помощника. Буду вести все твои счетные книги, а за это ты научишь меня тонкостям частного расследования и поимки преступников.

– А что ты надеешься получить взамен?

– Доход! – объяснил Энтони.

– Вместо карманных денег, полагаю? – сухо спросил Тобиас.

– Совершенно верно. И неплохо бы дополнительно выдавать мне премиальные.

– Да неужели? Я всегда говорил: нет ничего лучше допол-

нительных премиальных.

Энтони со свистом втянул в себя воздух.

– Но ты по крайней мере подумаешь о моих словах?

Тобиас спокойно встретил его взгляд.

– Ты не шутишь?

– Никогда не бывал серьезнее. Думаю, из меня выйдет неплохой сыщик. У меня нюх на такие дела. Можешь назвать это способностями.

– Не уверен, что в этой работе вообще нужны нюх или способности. На мой взгляд, в частные детективы идут те, кто не может иными способами заработать на жизнь достаточно, чтобы не попасть в рабочий дом. Чем-то похоже на карьеру уличной девки.

Глава 5

Эмелин взглянула на Лавинию через разделявший их обеденный стол.

– Уверена, что появление Оскара Пеллинга не слишком тебя взволновало?

– Признаю, вид этого человека потряс меня, – вздохнула Лавиния, разворачивая утреннюю газету. – Но я быстро оправилась и теперь совершенно спокойна.

«Благодаря тому, что больше не придется скрывать свою мрачную тайну от Тобиаса», – добавила она мысленно.

– Как всегда.

– Что именно «всегда»?

Эмелин улыбнулась.

– Быстро приходишь в себя. У тебя просто талант гнуться, не ломаясь, дорогая тетушка.

– А что другое мне остается? – возразила Лавиния, поднося к губам чашку с кофе. – И как я сказала, рано или поздно придется столкнуться с Пеллингом. Даже те джентльмены, кто, подобно ему, предпочитает жить в своих владениях, время от времени приезжают в столицу по делам. Слава богу, он, кажется, меня не заметил!

– Надеюсь, – согласилась Эмелин с гримаской. – Отвратительный человек! Хоть бы он поскорее вернулся к себе в поместье.

– Думаю, что так и будет. Насколько я припоминаю, он не из тех, кому нравится кружиться в вихре светских удовольствий.

Лавиния перевернула газетную страницу. Кому теперь он нужен, этот Пеллинг, если Тобиас знает правду и не считает Лавинию виновницей трагедии?! Сегодня жизнь, вне всякого сомнения, казалась куда светлее и ярче!

Эмелин придвинула к себе маленький горшочек и взяла немного джема.

– Если уделишь мне время, я хотела бы с тобой поговорить.

– Ты уже говоришь со мной.

– Нет, не то, мне нужно обсудить кое-что важное. Я имею в виду свою карьеру.

– Какую карьеру? У тебя ее вообще нет, – бросила Лавиния, не поднимая глаз от газеты. Рядом с кофейной чашкой лежали листок бумаги и карандаш. После долгих размышлений она заключила, что, перед тем как взять на себя труд отослать объявление в газету, следует сначала изучить предмет.

Поэтому она намеревалась выписать самые эффектные слова и фразы, которые с первого взгляда привлекут потенциальных клиентов. Самое главное – составить наиболее полный словарик, который потом можно использовать в объявлениях, рекламирующих ее способности в частных расследованиях.

Сегодня в газете публиковалось множество самых раз-

нообразных объявлений, большинство из которых были, по мнению Лавинии, не слишком захватывающими. Сдавались комнаты с живописным видом на парк. Знатных джентльменов извещали о появлении партии превосходных полотняных сорочек, в которых кожа не потеет.

Куда больше Лавинию заинтересовало объявление некоего доктора Дж. А. Дарфилда, предлагавшего сеансы лечения для вдов и замужних дам, страдающих от чувствительных нервов и женской истерии. Доктор обещал исключительно действенные средства, особенно подходящие для деликатной женской конституции.

– Вот именно, – подтвердила Эмелин. – У меня нет никакой профессии.

– Разумеется, – пробормотала Лавиния, изучая объявление о лечении истерии. – Как тебе нравится выражение: «исключительно действенные средства»?

– Типично медицинские термины. Лавиния, ты меня не слушаешь! Я пытаюсь обсудить свое будущее.

– А в чем проблема? – удивилась Лавиния, подчеркивая слова «исключительно» и «действенные». – Мне казалось, что твое будущее решено. Благодаря Джоан Дав мы получили приглашения на самые главные события сезона: бал у Стиллуотеров и еще один, который устраивает сама Джоан. Кстати, хорошо, что вспомнила: сегодня примерка у мадам Франчески.

– Знаю. Но не желаю слышать о балах и модах. – Эмелин

немного помедлила. – Повторяю, Лавиния, я хочу получить профессию.

– Чепуха.

Лавиния, хмурясь, пробежала глазами объявление шляпницы.

«...Превосходный выбор для разборчивых особ, интересующихся только самыми модными шляпками и капорами».

– Ни один светский джентльмен не пожелает взять в жены девицу, которая стремится сделать карьеру. Как по-твоему, стоит охарактеризовать мои услуги как модные?

– Не пойму, какое отношение имеют к моде частные расследования?

– Ошибаешься. Ясно, что, если нужно привлечь эксклюзивную клиентуру, следует создать впечатление, что этот род занятий вошел в моду. Ни один из членов общества не вынесет мысли о том, что выглядит немодным!

– Лавиния, я не собираюсь выходить за джентльмена, вращающегося в обществе. Представить не могу судьбы ужаснее!

Лавиния выписала слово «модный».

– Но не желаешь же ты выйти за фермера! Насколько я припоминаю, никто из нас не горит желанием похоронить себя в глуши.

– Ни о каком фермере не может быть и речи! Я решила, что самое подходящее – стать твоей компаньонкой.

– То есть как? Ты уже моя компаньонка. Мы ежеднев-

но общаемся. Что ты думаешь насчет фразы: «Действенные средства для джентльменов, попавших в сложное положение, предлагаемые строго конфиденциально и с гарантией неразглашения»? Звучит интригующе, не так ли?

– Да, – кивнула Эмелин, сведя брови, – хотя понятия не имею, что она означает.

– И я тоже.

Лавиния поджала губы.

– Что-то не получается. Может, если заменить несколько слов...

Глухой стук входной двери прервал ее рассуждения.

– Похоже, у нас гость. Для официальных визитов слишком рано. Может, это новый клиент?

– Скорее всего мистер Марч. – Эмелин сунула в рот еще теплое печенье. – Я заметила, что он имеет обыкновение посещать тебя в самые неподходящие часы, не придерживаясь правил приличия.

– Он никогда их не придерживался, – буркнула Лавиния. – Помнишь, с каким увлечением он при первом своем появлении швырялся статуэтками в нашей маленькой римской лавчонке? По моему мнению, его манеры с тех пор ничуть не улучшились.

Эмелин улыбнулась и снова принялась за печенье.

Лавиния настороженно прислушивалась к звуку шагов в передней.

– По-моему, ты права в том, что он становится просто

невыносим. Вот уже второй раз на неделе он приезжает во время завтрака!

Глаза Эмелин зажглись.

– Может, с ним и Энтони приехал?

– Не беспокойтесь, миссис Чилтон.

Голос Тобиаса эхом отдался от обшитых панелями стен утренней столовой.

– Вполне достаточно яиц и вашего превосходного картофеля.

Несмотря на раздражение, Лавиния поймала себя на том, что ловит каждое слово и каждый звук. Шаги какие-то неровные... Неужели его нога опять разболелась? Нет, кажется, все в порядке.

Она облегченно вздохнула. Впрочем, можно было и не волноваться: утро выдалось ясным, а рана больше всего беспокоит Тобиаса в дождь или когда на город опускается сырой туман.

Гость ступил в комнату и замер на пороге.

– Добрый день, леди.

– Мистер Марч! – просияла Эмелин. – Как приятно видеть вас! А мистер Синклер тоже здесь?

– Нет. Он хотел сопровождать меня, но я послал его по важному делу.

Тобиас взглянул на Лавинию с решительным блеском в глазах.

– Мадам, вы сегодня ослепительны. Само воплощение Ве-

неры, выходящей из пены морской. Клянусь, ваше сияющее красотой лицо поднимает мой дух, проясняет мысли и побуждает к метафизическому созерцанию.

– Воплощение Венеры? – Чашка Лавинии застыла на полпути ко рту. – Вы не больны, Тобиас? – участливо осведомилась она. – Какие-то странные речи вы ведете.

– Благодарю, я в добром здравии, – кивнул он, с надеждой озирая эмалированный кофейник. – А кофе еще остался?

Прежде чем Лавиния снова принялась допытываться о причинах столь напыщенного приветствия, вмешалась Эмелин.

– Разумеется, – кивнула она, поднимая кофейник. – Садитесь, пожалуйста. С удовольствием налью вам кофе. Возможно, мистер Синклер нанесет нам визит после того, как покончит с делами?

– Вполне вероятно, поскольку у него не было особенных планов до того, как он вбил себе в голову сделаться моим помощником.

Эмелин резко вскинула голову и со стуком поставила кофейник на стол.

– Помощником?

Тобиас пожал плечами и потянулся за маслом и джемом.

– Утверждает, что собирается стать заправским частным детективом, и просит обучить его основам дела.

– Неужели? – ахнула Эмелин. – Поразительно!

– Для меня это было чем-то вроде удара, – возразил То-

биас, вгрызаясь в намазанное маслом печенье. – Как вам известно, я пытался убедить его найти для себя более надежное занятие. Мечтал, что он откроет свое дело. Но если верить Энтони, единственное, что интересует его, кроме розыска, – это карточный стол.

– Какое совпадение, – пробормотала Эмелин.

Тобиас удивленно вскинул брови:

– Надеюсь, мисс Эмелин, вы не имеете в виду, что ваши интересы сходятся?

– Я, разумеется, не собираюсь становиться игроком, – завила Эмелин и, искоса взглянув на Лавинию, деликатно откашлялась. – Но только сейчас объясняла тете Лавинии, что решила сама сделать карьеру и хотела бы немедленно начать обучаться своей новой профессии.

– А я только сейчас объясняла Эмелин, что ей совершенно ни к чему этим заниматься, – добавила Лавиния, складывая газету. – У нее каждый день занят. Пока она возвращается в обществе, у нее нет времени ни для каких занятий.

– Неправда, – возразила Эмелин. – Я намереваюсь идти по вашим стопам, тетя.

Воцарилось короткое, но чрезвычайно напряженное молчание.

Лавиния наконец осознала, что рот ее широко и некрасиво раскрыт, и поспешила исправить положение.

– Просто смехотворно! – воскликнула она.

– Взял же мистер Марч Энтони в помощники! Я тоже хочу

работать с вами.

Охваченная ужасом, Лавиния оцепенела, не в силах двинуться с места.

– Просто смехотворно! – повторила она. – Представляю, как были бы поражены твои родители, узнав о том, что их дорогая дочь поступила на службу!

– Мои родители умерли, тетя Лавиния, поэтому их чувства в данном случае значения не имеют.

– Но ты прекрасно знаешь, что бы они сказали! Став твоим опекуном, я приняла на себя определенные обязанности и поклялась обеспечить твоё будущее. Леди не занимаются подобными вещами!

– А ты? – улыбнулась Эмелин. – Тебя я считаю истинной леди! Мистер Марч, я права?

– Абсолютно, – кивнул Тобиас. – Я вызову на дуэль любого, кто считает иначе.

– Это все ваши проделки, сэр! – набросилась на него Лавиния. – Вы вбили в головы детей эти безумные мысли!

– Боюсь, мистер Марч тут ни при чем, – запротестовала Эмелин.

Тобиас проглотил остатки печенья и поднял руки.

– Заверяю, я никого не поощрял!

– Вините себя, тетя Лавиния, – усмехнулась девушка. – С того дня, как я поселилась у вас, вы стали идеальным примером для подражания!

– Я?! – ахнула Лавиния, потеряв на минуту дар речи. Ка-

жется, она сейчас лишится чувств!

И хотя она никогда не падала в обморок, но спазмы в горле и головокружение были верными предвестниками этого состояния.

– Именно, – подтвердила Эмелин. – Вы потрясли меня своей поразительной способностью начинать все сначала и не сдаваться перед самыми жестокими ударами судьбы, способными раздавить любого мужчину, не говоря уже о женщинах. Я искренне восхищаюсь вашей необычайной стойкостью и умом.

Губы Тобиаса чуть дернулись.

– Не говоря уже о невероятной хитрости и изворотливости, с которой вы умудряетесь получать приглашения на самые блестящие балы сезона. Никому из моих знакомых не удалось бы сочетать расследование убийств с успешным дебютом юной дамы в свете, как это проделали вы несколько недель назад, мадам. Подобный подвиг повторить невозможно.

Лавиния оперлась локтями о стол и закрыла лицо руками.

– Какое несчастье!

– Эмелин совершенно права, считая вас самым совершенством и образцом поведения, – объявил Тобиас, поднимая чашку. – Кому же еще ей подражать, как не вам?

Лавиния вскинула голову и пронзила Тобиаса негодующим взглядом.

– Ваши шуточки неуместны, сэр! Мне сейчас не до них.

Не успел Тобиас ответить, как в комнату вошла миссис Чилтон с подносом.

– Вот, сэр! Яйца и картофель.

– Благодарю, миссис Чилтон. Ваш поварской талант выше всех похвал. Если когда-нибудь решите расстаться с вашей хозяйкой, милости прошу в мой дом.

– Сомневаюсь, что это случится, сэр, – хмыкнула она, – но спасибо за приглашение. Что еще прикажете?

Тобиас повертел в руках горшочек.

– Кажется, ваш превосходный смородиновый джем кончился, миссис Чилтон. Уверяю, что ничего вкуснее не ел.

– Сейчас принесу, – пообещала добрая женщина, исчезая за дверью, ведущей на кухню.

Лавиния грозно уставилась на Тобиаса. Но он, словно не заметив, принялся за яйца с картофелем.

– Прошу не переманивать моих слуг, сэр, – прошипела она.

Эмелин, сокрушенно пробормотав что-то, принялась тереть часики.

– О боже, прошу меня извинить, – вздохнула она, складывая салфетку и поднимаясь. – Я должна одеться. Присцилла и ее мама вот-вот будут здесь. Я пообещала поехать вместе с ними за покупками...

– Погоди, Эмелин, – поспешно вставила Лавиния. – Эти заявления насчет карьеры...

– Позже обсудим, тетушка, – прощепетала племянница,

порхнув к порогу. – Нужно бежать. Не хочу заставлять ждать леди Уортинг.

И она выскочила из комнаты, прежде чем Лавиния успела возразить.

Тишина становилась поистине угнетающей. И поскольку другой мишени, кроме Тобиаса, не осталось, Лавиния снова принялась за него. Отставив тарелку, она сложила руки на столе.

– Очевидно, желание Энтони работать с тобой каким-то образом повлияло на Эмелин, иначе она не несла бы такого вздора!

Тобиас отложил нож и вилку. Веселые искорки в глазах погасли, а вместо них во взгляде светились сочувствие и понимание.

– Поверишь или нет, Лавиния, но я ощущаю твою тревогу так глубоко, что ты и представить не можешь. Я не более одобряю решение Энтони стать частным сыщиком, чем ты – просьбу Эмелин.

– Но что нам делать? Как переубедить их?

– Понятия не имею, – пожал плечами Тобиас, отхлебнув кофе. – Но в любом случае, боюсь, от нас это не зависит. Мы можем советовать, но не имеем права приказывать.

– Кошмар! Настоящий кошмар! Если она не опомнится, ее репутация погибнет!

– Ну же, Лавиния, ты преувеличиваешь! Конечно, ситуация не слишком приятная, но для мелодраматизации нет при-

чин. Не такая уж это трагедия!

– Может, по-твоему, и нет, а вот по-моему... Я так надеялась, что у Эмелин будут свой дом и любящий муж, с которым она не узнает нужды. Ни один светский джентльмен не женится на даме, занимающейся частным сыском.

– Вы, случайно, не мечтаете о том же, мадам?

Этот неожиданный вопрос выбил ее из колеи, да так, что Лавиния не сразу нашлась с ответом.

– Разумеется, нет, – бросила она резче, чем намеревалась. – Я вообще не собиралась замуж.

– Неужели любили мужа так крепко, что не в силах заставить себя подумать о втором браке?

Странная паника охватила ее. Кажется, они вступили на очень опасный путь. Лавиния и шага не хотела сделать по этой дороге, потому что она неминуемо приведет к болезненным размышлениям о глубине любви Тобиаса к жене, умершей при родах. Вряд ли Лавиния сумеет состязаться с прекрасным, нежным призраком Энн. Недаром Энтони считал сестру ангелом. А она? Кем бы ни была Лавиния, пусть и самым совершенством в образе женщины, живущей своим разумом, самостоятельной и независимой, ангелом ее никак не назовешь!

– Но, сэр, – ловко вывернулась она, – сейчас мы обсуждаем не мое мнение о браке. Речь идет о будущем Эмелин.

– И Энтони.

– Знаю, – вздохнула она. – Они равнодушны друг к дру-

гу, верно?

– Святая истина.

– Эмелин так молода!

– Энтони тоже.

– Боюсь, в столь нежном возрасте трудно отличить истинную любовь от увлечения.

– Ты, вероятно, была не старше Эмелин, когда выходила замуж. Значит, тоже не могла отличить истинную любовь от увлечения?

Лавиния гордо выпрямилась.

– Разумеется, могла. Я не вышла бы за Джона, если бы у меня оставалась хотя бы тень сомнения в своих чувствах.

Она и в самом деле была уверена в себе, но, оглядываясь назад, считала, что питала к мужу нежную страсть, присущую только очень невинной и очень романтической молодой женщине. Доживи Джон до сегодняшних дней, их любовь, несомненно, переросла бы в нечто более зрелое, глубокое и истинное. Но теперь воспоминания о добром, наивном муже становились все более отдаленными, хрупкими сувенирами прошлого, хранившимися в укромном уголке ее души.

Тобиас сухо усмехнулся:

– Ты по-прежнему настроена решительно и твердо уверена в своем мнении, не так ли?

– Что поделать, уж такой у меня характер. Твердый и неподатливый. Возможно, благодаря моему опыту гипнотизера.

– Скорее уж, вы от рождения наделены неукротимой си-

лой воли, мадам.

Лавиния чуть сузила глаза.

– Подозреваю, то же самое можно сказать и о вас, сэр.

– Разве не интересно проверить, много ли у нас общего? –
учтиво осведомился он.

Глава 6

На следующий день Тобиас вышел из клуба и взглянул на карманные часы. Всего лишь начало второго. Он никуда не спешит, а в такую погоду неплохо прогуляться.

Он не обратил внимания на проезжавший кеб и с уверенностью здешнего старожила стал пробираться через лабиринт улиц и переулков, направляясь в книжную лавку, где уговорился встретиться с Лавинией. Сначала он намеревался угостить ее мороженым, а если повезет, уговорить ее уединиться в искусственных развалинах и предаться любви на весеннем солнышке.

Мечтая поскорее добраться до цели, он бросил оценивающий взгляд на небо. Солнце и правда сияло, но в воздухе ощущался холодок, а на горизонте собирались тучи. Оставалось надеяться, что дождь подождет, пока они с Лавинией вдоволь насладятся природой. Всего неделю назад ледяной душ несколько охладил их пылкую страсть.

Похоже, необходимость искать подходящее убежище для их свиданий быстро становится настоящей. Мужчине в его возрасте просто непристойно красться в отдаленные уголки парка или возиться с дамой в закрытом экипаже, сталкиваясь локтями и коленками! Ему следует наслаждаться милостями вышеупомянутой дамы в мягкой постели.

Но такую постель чрезвычайно трудно найти, когда у тебя

тайная связь.

Он был уже в квартале от лавки, раздумывая, не стоит ли увезти Лавинию в деревенскую гостиницу на неделю-другую, когда из шляпной лавки выплыло видение в розовом и едва не столкнулось с ним.

– Мистер Марч! – ослепительно улыбнулась Селеста Хадсон в очаровательном произведении шляпного искусства из светло-розовой соломки и сложного переплетения лент. – Как мило снова увидеть вас, и так скоро!

– Миссис Хадсон! – воскликнул он, поддержав ее под локоть, чтобы уберечь от падения. – Рад встрече! Ваш муж где-то здесь?

– Господи, конечно, нет! Говард терпеть не может магазинов! – Звонкий смех отдался в ушах журчанием ручейка. Но прозвучавшие в нем резковатые, фальшивые нотки невольно напоминали о ярких искусственных цветах и кривых зеркалах в комнате смеха. Какое счастье, что Лавиния никогда так не смеется!

– Не могу сказать, что ходьба по магазинам – мое любимое занятие, – признался он.

Селеста раскрыла маленький веер и игриво поглядела на него поверх расписного шелка как записная кокетка. Тобиас заметил, что веер расписан исключительно изящным и сложным рисунком в ярких тонах, отражающих свет и притягивающих взор. Кроме того, он был расшит цветным стеклярусом. Безделушка казалась более уместной в бальной зале,

чем на улице. Впрочем, Тобиас никогда не считал себя экспертом в дамской моде.

– Где миссис Лейк? – чуть горланно осведомилась Селеста. – Или вы сегодня один?

– У нас назначена встреча. Я как раз туда иду, – сообщил Тобиас, все больше раздражаясь от каждого манерного взмаха веера. Пришлось поспешно отвести взгляд. – Лавиния захотела купить новый поэтический сборник, в книжной лавке неподалеку отсюда.

– Поэзия? Как мило! Я сама равнодушна к такого рода литературе.

Селеста снова повернула веер так, что лучи, отразившиеся от блестящих бисеринок, запрыгали на тротуаре солнечными зайчиками.

– Неплохо бы и мне посетить эту лавку. Не возражаете, если прогуляюсь с вами, мистер Марч?

– Разумеется, нет.

Она положила на его руку затянутые в перчатку пальчики столь грациозно-заученным движением, что он не мог не восхититься, и, продолжая обмахиваться веером, пошла рядом.

– Прекрасный день, не находите? – шепнула она.

– Хорошая погода долго не продлится.

– О, мистер Марч, не знала, что вы такой пессимист.

– Это не пессимизм.

Черт, до чего же трудно не смотреть на проклятый веер!

Но Селеста так ловко вертела им, что оторвать взгляд невозможно!

Ему до смерти захотелось вырвать у нее дурацкую штуковину и швырнуть в канаву!

– Всего лишь констатация факта.

Селеста наклонила голову так, что широкие розовые поля казались чудесной рамкой для ее личика.

– Насколько я понимаю, вы человек, привыкший иметь дело с тяжелой прозой жизни. Не из тех, кто позволяет себе увлекаться грезами и фантазиями.

– Грезы и фантазии – только для бесплодных мечтателей.

– О, сэръ, я с вами не согласна!

Она снова взглянула на него поверх веера блестящими и завораживающими, как драгоценные камни, глазами.

– Иногда мечты могут стать явью. Но только для тех, кто готов заплатить за это.

– А мне почему-то кажется, что после того, как требуемая плата вручена, в руке дающего остается только пригоршня сверкающих безделушек, которые через несколько минут растают, как льдинки, – возразил Тобиас, подумав, что сверкающие безделушки весьма напоминают яркий стеклярус на веере Селесты.

Она улыбнулась ему и быстрым поворотом руки сложила и развернула веер.

– Возможно, ваша беда в том, что вам так и не повезло встретиться с истинной грезой или фантазией. Советую не

судить о цене товара, пока не получите возможность проверить его качество.

– Поскольку мне вряд ли предложат образчик, сомневаюсь, что такая возможность представится.

– А вот тут вы сильно ошибаетесь!

Селеста снова рассмеялась и слегка, но фамильярно сжала его руку.

– Могу заверить вас, что бесплатные образчики имеются, только следует знать нужные места, где продается товар.

– Как уже сказано, я не слишком увлекаюсь покупками.

Веер затрепетал в ее руке. Крохотные огоньки засверкали.

– Я могу показать вам, где найти превосходные бесплатные образчики, мистер Марч, – мягко пообещала она. – Более того, гарантирую, что вы будете полностью удовлетворены качеством.

Он внимательно посмотрел в ее светящиеся глаза.

– Не уберете ли вы чертов веер, миссис Хадсон? Ужасно раздражает!

Селеста, явно растерявшись, ошеломленно моргнула. Веер застыл в руке. Откровенный призыв во взгляде померк.

– Разумеется, мистер Марч, – кивнула она, захлопнув веер. – Простите, не знала, что это вас беспокоит.

– Миссис Хадсон! – громко воскликнула Лавиния с другого конца квартала. – Какой сюрприз! Подумать только, встретить вас и мистера Марча посреди улицы!

Тобиас облегченно улыбнулся. До чего же приятно слы-

шать нормальный, веселый голос вместо приторного мяуканья Селесты!

Лавиния решительно зашагала к ним, размахивая небольшим свертком, содержащим, вне всякого сомнения, только что купленный томик поэзии. Другой рукой она сжимала кокетливый, зеленый с белым зонтик. Сегодня на ней было изумрудно-зеленое шелковое платье и такая же полосатая ронда. Наверняка одно из произведений мадам Франчески!

Глубокий зеленый цвет маленькой изящной шляпки удачно оттенял рыжие волосы Лавинии, уложенные узлом.

Остановившись перед ними, она наградила Тобиаса ледяной улыбкой.

– Вы опоздали, – заявила она.

Кажется, настроение у нее хуже некуда. Под тончайшей вуалью шляпы ее глаза зловеще поблескивали.

– Боюсь, это моя вина, – пробормотала Селеста, и не подумав высвободить руку из-под локтя Тобиаса. – Мы наткнулись друг на друга на улице и заболтались. Надеюсь, вы простите меня за то, что отвлекла мистера Марча на минуту-другую?

– По моему опыту, мистер Марч редко отвлекается, если только это не в его интересах.

Очередная улыбка Лавинии заморозила кровь в жилах Тобиаса.

– Что за предмет вы обсуждали так горячо?

– Насколько я припоминаю, мы беседовали о радостях об-

хода магазинов, – сообщил Тобиас и едва заметным, но решительным движением освободился от изящных коготков Селесты.

– Магазины? – удивилась Лавиния. – Вряд ли это ваша любимая тема. Кстати, о покупках. Я краем глаза заметила ваш веер, миссис Хадсон. Совершенно необычный! Нельзя ли узнать, где вы его купили? Я бы хотела такой же.

– Боюсь, это вряд ли возможно, – ответила Селеста, бросив веер в ридикюль. – Я сама его расписала.

– Неужели?! – восхищенно ахнула Лавиния. – Поразительно! К несчастью, я не обладаю даром художника!

– Уверена, что у вас немало других талантов, – язвительно заметила Селеста. Куда подевалось журчание ручья? Перед Тобиасом стояла разъяренная фурия.

– Хотелось бы думать, что владею двумя скромными искусствами, – с притворной скромностью заметила Лавиния. – Возьмите хотя бы покупки! Я считаю, что обладаю явным талантом с одного взгляда различать дешевую подделку.

– Неужели?

Оскорбление явно попало в цель, хотя снисходительная улыбка, казалось, твердо приклеилась к лицу Селесты.

– Я, с другой стороны, всегда умела распознать шарлатанов и мошенников. Подозреваю, в вашей новой профессии таких немало, верно?

– Простите, вы о чем?

Селеста равнодушно пожала хрупким плечиком:

– Думаю, всякий может объявить себя сыщиком и претендовать на опыт и мастерство, наличие которых вряд ли можно проверить.

– Простите?

– Откуда, спрашивается, потенциальный клиент знает, с кем имеет дело, и способен ли частный детектив действительно расследовать преступление или просто водит заказчика за нос? – с невинным видом спросила Селеста.

– Мудрый человек выбирает сыщика по тому же принципу, что и доктора-месмериста, – немедленно отпарировала Лавиния. – Полагаясь на рекомендации.

– А вы можете представить рекомендации, миссис Лейк? Просто удивительно это слышать!

Тобиас решил, что настало время вмешаться. Он прекрасно знал, что, если дерутся двое, третьему придется плохо, но его долг, как случайного партнера, по отношению к Лавинии был совершенно ясен. Он не посмел стоять рядом и хладнокровно наблюдать, как ее втягивают в постыдный скандал прямо посреди улицы. Она никогда не простит его за то, что позволил унижить ее на людях.

– Кстати, о делах, миссис Хадсон, – вставил он как раз в тот момент, когда Лавиния открыла рот, чтобы ответить очередной колкостью. – Думаю, доктор Хадсон привез из Бата превосходные рекомендации.

– Естественно, – небрежно обронила Селеста. – У Говарда лечились только сливки общества. Я все для этого сделала.

– Сомневаюсь, что ваша клиентура более эксклюзивна, чем моя, – отпарировала Лавиния.

– Да ну? – Селеста метнула на нее сожалеющий взгляд. – Вряд ли в вашем списке клиентов имеются столь выдающиеся джентльмены, как лорды Ганнинг и Нортхемптон.

Лавиния снова открыла рот, чтобы по достоинству ответить наглой особе. Но Тобиас немедленно сжал ее руку, достаточно крепко, чтобы привлечь внимание. Она мгновенно все поняла и замолчала.

– Впечатляет, – поспешно заметил Тобиас. – К сожалению, миссис Лейк еще не обзавелась титулованной клиентурой, но, возможно, ей скоро повезет. А пока, прошу извинить, у нас свидание.

– У нас нет свидания, – поправила Лавиния.

– Неправда, есть. Вы, очевидно, забыли. Доброго вам дня, мадам, – улыбнулся он Селесте.

Та, очевидно, оправилась настолько, что глаза ее вновь засияли, а голос стал теплым и грудным.

– До свидания, мистер Марч. Счастлива была поговорить с вами. Думаю, что мы очень скоро встретимся опять... разумеется, случайно. Я бы очень хотела продолжить наш разговор на тему того, как получить бесплатные образцы весьма необычных товаров.

– К вашим услугам, – поклонился он и, повернувшись, потащил Лавинию за собой так быстро, что та едва не спотыкалась.

Оба молчали, хотя Тобиас чувствовал, что Лавинию трясет от ярости.

– Надеюсь, ты понял, – прошипела она наконец, – что она пыталась ввести тебя в транс этим дурацким веером.

– Похоже, ты права. Интересное ощущение, тем более что она еще на днях клялась, будто не обладает ни малейшими способностями к гипнозу.

Лавиния презрительно фыркнула.

– Скорее всего нахваталась кое-чего у Говарда. Недаром проработала с ним чуть больше года!

– И теперь решила попрактиковаться на мне? Интересно, почему она взяла на себя такой труд?

– Не будь глупцом! Разве не очевидно? Вознамерилась соблазнить тебя и посчитала нужным пустить в ход свои жалкие знания, чтобы достичь цели.

– И ты в самом деле этому веришь? – улыбнулся он.

– Несомненно. Ясно, что она находит тебя интригующим, загадочным и чем-то вроде вызова, который стоит принять, чтобы взять верх над очередным мужчиной.

– Я был бы несомненно польщен, сложись у меня весьма отчетливое впечатление, что миссис Хадсон делит всех мужчин на две категории. Полезных и бесполезных. Как ни неприятно, но подозреваю, что она решила, будто я отношусь к первой.

Лавиния наклонила зонтик, чтобы получше разглядеть его.

– Думаешь, она считает, что каким-то образом может использовать тебя?

– Какой удар по моей гордости! Тем не менее вынужден заключить, что это самое вероятное объяснение ее интереса ко мне.

– И как, по-вашему, сэр, она может вас использовать?

– Будь я проклят, если знаю, – признался Тобиас.

– Чушь, – отрезала Лавиния, сжимая его пальцы. – Скорее всего она безумно в тебя влюбилась и вознамерилась завести роман за спиной мужа.

– И поскольку я не из тех, кого может ввести в транс первый попавшийся гипнотизер, вряд ли мы сумеем обнаружить ее истинные намерения, – усмехнулся он.

– Наверное.

– Ты, случайно, не ревнуешь, Лавиния?

– К ее чрезвычайно ограниченным возможностям гипнотизера? Разумеется, нет.

– Не к ее талантам, – тихо пояснил Тобиас, – а к попыткам обольстить меня.

Лавиния смотрела прямо перед собой.

– А для этого есть причины? Я имею в виду – для ревности?

– Нет.

Лавиния мгновенно просветлела.

– Значит, и говорить не о чем.

– Есть о чем. Ты намеренно избегаешь этой темы.

– Но, Тобиас, ты человек благородный. И связан словом. Разумеется, я тебе доверяю.

– Я не об этом спрашивал.

– Этот бред о бесплатных образчиках, – выдохнула наконец Лавиния, награждая его подозрительным взглядом. – Она предлагала себя, так ведь?

– Ты знаешь меня, дорогая. Я так и не сумел овладеть тонким искусством флирта, намеков и инсинуаций, поэтому не могу точно сказать, что она имела в виду.

– Ад и кровь! – выкрикнула Лавиния, останавливаясь и поворачиваясь к нему. – Именно это она и делала. Потаскушка едва ли не открыто предлагала тебе бесплатный образчик дешевого товара. Ну и наглость!

– Ты все-таки ревнуешь.

По какой-то причине он был ужасно доволен.

– Скажем так: я ни на пенни не верю этой особе.

– В этом я совершенно с тобой согласен.

Тобиас оглянулся на то место, где несколько минут назад стояла Селеста.

– Товар может быть и дешев. Но сильно сомневаюсь, что все предлагаемое миссис Хадсон, включая образчики, обойдется бесплатно.

Глава 7

При виде мрачного здания склада с неосвещенными окнами, смутно вырисовывавшегося на самом берегу реки, ее передернуло от дурного предчувствия. Впервые за всю свою жизнь, полную риска, а временами и опасностей, она испытала истинный страх. Странное, колющее, леденящее ощущение, зародившееся в ладонях и поднимавшееся все выше, пока не разлилось в груди. Почему-то вдруг стало трудно дышать.

Боже, что это с ней? Ведь конец уже близок! Она зашла слишком далеко, чтобы струсить на последнем отрезке пути.

Женщина громко втянула в себя воздух, и неприятное чувство улеглось. Она снова овладела собой. Все хорошо. Впереди у нее блестящее будущее, а для этого всего-навсего нужно завершить одно неприятное дело, и перед ней откроется прямая дорога в роскошные бальные залы и элегантные гостиные светского общества.

Подняв повыше фонарь, она подошла к двери и осторожно потянула за ручку. Ржавые петли протестующе взвизгнули.

Женщина помедлила на пороге, обозревая внутренность склада. Неверный свет бросал яркие отблески на груды пустых ящиков и бочонков. На какое-то ужасное мгновение они показались ей бесчисленными могильными памятника-

ми и надгробными камнями, хаотически разбросанными по заброшенному кладбищу.

«Уже поздно идти на попятную. Ты чересчур далеко зашла. Прodelала долгий и трудный путь от мерзкой маленькой лавчонки. Скоро станешь одной из первых красавиц света».

Из дыры между двумя большими ящиками послышался треск. Она вздрогнула.

Крысы. Это, должно быть, всего лишь крысы, бегущие от света.

Сзади раздались шаги. Очередная волна ледяного страха накрыла ее с головой. Но она продолжала убеждать себя, что все в порядке. Он получил ее записку и пришел на встречу, следуя ее же инструкциям. Они завершат сделку, и на этом все. Настанет пора расправить крылья, чтобы лететь к ослепительным вершинам.

– Дорогая Селеста, – начал убийца мягким и нежным голосом сгорающего от страсти любовника, – я ждал вас.

И в этот момент она окончательно поняла, что ее мечтам не суждено сбыться. Кинжальный удар страха поразил ее. Она попыталась повернуться, лихорадочно обмахиваясь маленьким веером. Силилась сказать что-то, попробовать поторговаться за собственную жизнь. Предвидя нечто в этом роде, она не принесла с собой браслет: слишком велик был риск. Кроме того, это было единственной гарантией ее безопасности, пока она станет обговаривать новую цену.

Но все было бесполезно. Он уже накинул галстук ей на шею, чтобы заставить молчать. Ей так и не удалось воспользоваться своим искусством. В последние мгновения, когда красная тьма обволокла ее мозг, она с ужасающей ясностью поняла, какую ошибку совершила. Она знала, что он может быть беспощадным. Понимала, что видит перед собой одержимого. Но до этой минуты не видела, что он безумен.

Когда все было кончено, он удовлетворенно оглядел дело рук своих. Подлое создание никогда больше не попытается выкидывать свои штучки ни с ним, ни с любым другим мужчиной.

Он поднял ее ридикюль, перевернул и высыпал на землю содержимое. Обычные дамские безделушки, которые можно найти в женской сумочке: платок, зеркальце, несколько монет на извозчика, которого она теперь не наймет. Но того, что он искал, не было.

И тут ему впервые стало не по себе. Неужели...

Он вернулся к трупу и обыскал складки и карманы плаща. Ничего.

Что-то вроде паники закралось в душу. Но он решительно подавил все сомнения и наскоро обшарил тело.

Ничего.

Он задрал ей юбки, чтобы посмотреть, не спрятала ли она это между бедер.

Пусто.

Отчаявшись, он вскочил и поднял повыше фонарь, чтобы осветить пол. Может, Голубая Медуза упала во время ее предсмертных судорог?

Но несколько минут спустя он был вынужден признать страшную правду. Голубая Медуза пропала. И он убил единственную, кто мог сказать ему, где она спрятана.

Глава 8

– Миссис Чилтон, остались еще яйца с карри? – осведомился Тобиас, разворачивая принесенную с собой утреннюю газету. – Они превосходны!

– Сейчас принесу, сэр, – весело хмыкнула миссис Чилтон, направляясь к кухне.

– И еще один смородиновый бисквит, – добавил он. – Вы просто чудеса творите со смородиной!

– Я их много напекла, – заверила она. – Словно чувствовала, что вы сегодня придете.

Дверь за ней захлопнулась.

– В самом деле, – заметила Лавиния, поднимая глаза от своей газеты, – вот уже третий раз за эту неделю, как вы появляетесь прямо к завтраку. Ваши привычки становятся довольно предсказуемыми, сэр. До того, что по вас можно часы сверять!

– Я достиг возраста, в котором человек должен заботиться о своем здоровье. Недаром говорят, что режим и вкусный завтрак необходимы, если хочешь долго жить.

– Поэтому ты решил объединить оба этих жизненно важных принципа и проводить каждое утро в моей столовой?

– Этот прекрасный обычай дает мне возможность прогуляться: еще одна совершенно неоценимая для здоровья вещь.

– Сегодня ты вообще не гулял и приехал сюда в кебе. Я тебя видела!

– Значит, следишь за мной? – Тобиас с довольным видом отложил газету. – Я нанял экипаж, потому что, если ты еще не успела заметить, прошлой ночью шел дождь и сегодня еще довольно сыро.

– О господи!

Лавиния поспешно прикусила язык. Раздражение моментально сменилось сочувствием.

– Нога сильно болит?

– Ничего такого, чего не мог бы излечить сытный завтрак.

Тобиас отхлебнул кофе с видом человека, твердо решившего от души насладиться едой.

– Кстати, я уже упоминал, что ты похожа на морскую нимфу с солнечными отблесками в волосах, играющую в волнах южного моря?

Ответный взгляд Лавинии был способен заморозить чуть более нервного человека.

– По-моему, еще слишком рано для неудачных шуток, сэр.

Дверь снова открылась. В комнату поспешно вошла миссис Чилтон с блюдом яиц и двумя смородиновыми бисквитами.

– Пожалуйста, сэр, угощайтесь.

– Ах, миссис Чилтон, ваша стряпня – это именно то, в чем нуждается человек, чтобы подкрепиться перед началом

трудного дня.

Откуда-то донесся стук дверного молотка. Лавиния нахмурилась.

– Возможно, один из друзей Эмелин. Миссис Чилтон, кто бы там ни был, передайте, что она пошла на прогулку с мистером Синклером.

– Хорошо, мадам.

Миссис Чилтон исчезла в коридоре, но когда входная дверь открылась, гостем оказался вовсе не один из поклонников Эмелин. Лавиния услышала низкий сочный голос Говарда Хадсона.

– Хадсон, – мрачно буркнул Тобиас. – Какого дьявола он делает здесь в столь несусветно ранний час?

– Должна напомнить, сэр, что и вы избрали для визита не совсем подходящее время.

Лавиния смяла салфетку и быстро поднялась.

– Прошу прощения. Пойду узнаю, что ему надо.

– Я с вами.

– В этом нет нужды.

Тобиас, словно не слыша, быстро вскочил. Судя по выражению глаз, он вовсе не собирался торчать здесь, пока она любезничает с Говардом.

– Поправьте, если ошибаюсь, – заметила она, выходя из комнаты, – но у меня сложилось впечатление, что вы не слишком симпатизируете доктору Хадсону.

– Этот человек – гипнотизер! Я не доверяю людям подоб-

ных профессий.

– Я тоже гипнотизер.

– Бывший, – возразил он, следуя за ней. – Ты уже забыла, что нашла себе новое занятие?

– Совершенно верно, и, насколько припоминаю, ты и его не особенно одобрял, верно?

– Но это совершенно другое дело!

Как раз в эту минуту она вошла в гостиную и, следовательно, спаслась от необходимости отвечать.

Говард, устало сгорбившись, мерил шагами комнату. Одежда его была измята. На этот раз он не потрудился завязать галстук изысканным узлом. Ботинки потеряли лоск.

И хотя он стоял спиной и Лавиния не видела его лица, с первого взгляда было ясно: случилось нечто ужасное.

– Говард! – Она подбежала к нему, остро ощущая присутствие Тобиаса за спиной. – Что? Что стряслось?

Говард обернулся и вобрал ее в себя своим непостижимым взглядом. Лавинии на миг показалось, будто она перенеслась на некий метафизический уровень. Воздух как бы сгустился. Грохот колес экипажа за окном показался приглушенным, словно доносился с большого расстояния.

Лавинии пришлось сделать над собой усилие, чтобы стряхнуть с себя непонятное оцепенение. Обычные шумы усилились, и тревожащее ощущение прошло. Взгляд Говарда снова показался нормальным.

Взглянув на Тобиаса, она заметила, что хотя тот присталь-

но изучает Говарда, все же совершенно не заметил мгновенного и весьма любопытного изменения атмосферы. Лавиния подумала, что все это, возможно, всего лишь игра ее воображения.

– Селеста мертва, – выдавил Говард. – Позавчерашней ночью убита грабителем. По крайней мере мне так сказали.

Он прижал пальцы к вискам.

– Все еще не могу поверить. Если бы я сам не видел ее тела вчера утром, когда власти пришли уведомить меня, ни за что бы...

– Господи милостивый! – ахнула Лавиния, рванувшись к нему. – Вам нужно сесть, Говард. Сейчас велю миссис Чилтон принести чаю.

– Нет.

Он почти рухнул на софу и растерянно огляделся.

– Пожалуйста, не стоит. У меня горло перехвачено. Я не смогу проглотить и капли.

– А херес? – настаивала Лавиния, садясь рядом. – Превосходное средство при всех потрясениях.

– Нет, спасибо, – прошептал он. – Вы должны помочь мне, Лавиния. Я в полном отчаянии.

Тобиас встал у окна и повернулся так, чтобы солнце оказалось за спиной. Лавиния знала этот прием. Он специально оставался лицом в тени, чтобы лучше разглядеть Говарда.

– Расскажите, что произошло, – бесстрастно попросил он. – С самого начала.

– Да. Да, конечно.

Говард снова принялся тереть пальцами виски, явно пытаясь собраться с мыслями. В глазах стыла мучительная тоска.

– У меня все в голове смешалось. Один удар за другим. Боюсь, что долго не смогу опомниться. Сначала известие о ее гибели, а потом еще и...

– Успокойтесь, Говард, – посоветовала Лавиния, коснувшись его плеча. – Сделайте, как предложил Тобиас. Рассказывайте по порядку.

– Порядок...

Говард медленно опустил руки и тупо уставился в пол.

– Примерно две недели назад я впервые осознал, что Селеста мне изменяет.

– О, Говард! – тихо воскликнула Лавиния и перевела взгляд на Тобиаса. Тот изучал Говарда с отрешенным видом, означавшим, что он оценивает ситуацию и с дьявольской расчетливостью взвешивает информацию. Его способность моментально входить в это состояние одновременно раздражала и интриговала ее. Сейчас он был полностью нечувствителен ко всем эмоциям, включая участие и жалость, казавшиеся вполне естественными в такой ситуации.

– Она... она была так молода и красива, – помолчав, продолжал Говард. – Я почитал себя настоящим любимчиком Фортуны, когда она согласилась стать моей женой. Думаю, глубоко в душе я сознавал, что рискую когда-нибудь поте-

рять ее. Наверное, это был лишь вопрос времени. Но я влюбился как мальчишка. Что можно тут поделать?

– Вы уверены, что у нее был любовник? – не повышая голоса, спросил Тобиас.

Говард уныло кивнул.

– Понятия не имею, сколько это продолжалось, но настал момент, когда всякое отрицание стало невозможно. Я перестал прятать голову в песок, притворяясь, будто ничего нет. Но поверьте, я прилагал все усилия, чтобы сохранить наш брак.

– Вы дали ей понять, что все знаете? – допытывался Тобиас, и Лавиния съежилась от его безапелляционного тона. Она попыталась украдкой дать ему понять необходимость вести себя хоть чуточку человечнее, но он, очевидно, не замечал.

Говард покачал головой.

– Духу не хватило. Я твердил себе, что она молода, что эта связь не более чем мимолетное приключение. Надеялся, что любовник рано или поздно ей надоест.

Тобиас не сводил с него взгляда.

– А вы знали, кто он?

– Нет.

– Неужели даже не любопытствовали? – не сдавался Тобиас, и от его категоричного голоса Лавинии стало не по себе. К тому же в глазах его плескался леденящий душу холод. И она вдруг поняла, что, окажись на месте Говарда Тобиас, наверняка перевернул бы небо и землю, чтобы выведать имя

любовника. Лавиния и думать боялась о том, что он предпринял бы после этого.

– Подозреваю, что той ночью она назначила ему свидание, – прошептал Говард. – Я прекрасно изучил ее повадки и привычки. И чувствовал ее нетерпение и возбуждение в те моменты, когда она собиралась ускользнуть на встречу с ним. Мы собирались присутствовать на демонстрации животного магнетизма, проводимой джентльменом по имени Косгроув, который, судя по слухам, произвел немало удивительных исцелений своим искусством гипнотизера. Но в последнюю минуту Селеста притворилась больной и заявила, что останется дома. При этом она настояла на том, чтобы я пошел. Бедняжка прекрасно знала, что мне не терпится увидеть Косгроува за работой.

– Так вы присутствовали на сеансе? – вмешалась Лавиния, стараясь говорить как можно мягче, чтобы загладить резкость Тобиаса.

– Да. Этот человек оказался законченным шарлатаном, и я был крайне разочарован. Вернувшись домой, я обнаружил, что Селесты нет. Тогда я понял, что она с любовником, и всю ночь провел без сна, напрасно ожидая ее возвращения. Наутро власти уведомили меня, что ее тело нашли на складе у реки. Все это время я провел как в бреду, хлопоча о погребении.

– Ее закололи кинжалом? – почти небрежно спросил Тобиас. – Или застрелили?

– Мне сказали, что она задушена, – пробормотал Говард. – И что галстук, которым преступник задушил ее, так и остался у нее на шее.

– Какой кошмар!

Лавиния невольно схватилась за горло и судорожно сглотнула.

– А свидетели есть? – допрашивал Тобиас.

– По-моему, ни одного, – прошептал Говард. – Во всяком случае, никто не объявился, и надежды на то, что объявится, нет. Как я уже сказал, власти считают, что Селеста пала жертвой грабителя.

– Очень немногие грабители используют в качестве оружия галстук, – сухо сообщил Тобиас. – Мало того, они вообще их не носят. По моему опыту, подобные типы вообще мало интересуются модой.

– Они вроде бы подозревают, что галстук был похищен ранее у джентльмена, ограбленного убийцей, – пояснил Говард.

– Притянута за уши, – пробормотал Тобиас.

Лавиния посчитала, что он абсолютно бессердечен, и поэтому немедленно высказалась:

– Довольно, сэр!

Последовала короткая пауза. Несколько минут Тобиас и Говард глядели друг другу в глаза. Лавиния распознала обмен взглядами как один из тех молчаливых и чрезвычайно раздражающих заговоров, полностью исключавших участие

женщины.

– Кто нашел тело? – поинтересовался Тобиас.

Говард покачал головой.

– Какая разница?

– Большая.

Говард снова потер виски, сосредотачиваясь.

– По-моему, тот, кто пришел уведомить меня о смерти Селесты, упомянул, будто это был один из уличных мальчишек, ночующих в заброшенных зданиях у реки. Но есть и кое-что еще, о чем я должен рассказать вам, Лавиния. Нечто очень странное.

Лавиния коснулась его плеча.

– Что именно?

– Прошлой ночью у меня был гость, – выложил Говард, уставясь на нее сквозь веер растопыренных пальцев. – Собственно говоря, был уже почти рассвет. Я оставался дома один. Отослал экономку, потому что не мог никого видеть. Незнакомец колотил в дверь до тех пор, пока я не проснулся и не спустился вниз.

– Кто это был? – спросила Лавиния.

– Крайне неприятный коротышка, который все время оставался в тени, так что я не смог хорошенько его разглядеть. Назвался мистером Найтингейлом. Заявил, будто занимается тем, что устраивает определенные сделки.

– Какого рода? – справился Тобиас.

– Служит кем-то вроде посредника между теми, кто хочет

купить и продать антиквариат, как он выразился, без лишнего шума. Очевидно, он гарантировал анонимность как для продавца, так и для покупателя.

– Иными словами, сделки далеко не всегда были законными, – заключил Тобиас.

– Мне тоже так показалось, – тяжело вздохнул Говард. – Этот человек, мистер Найтингейл, сказал, что, по слухам, недавно было украдено очень ценное украшение и в похищении замешана Селеста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.